

Удачи тебе, сыщик!

Автор:

Николай Леонов

Удачи тебе, сыщик!

Николай Иванович Леонов

Гуров #10

Сыщик дел не выбирает. На этот раз легендарный полковник Гуров оказался... в цирке. Дрессировщики, клоуны, гимнасты, а среди них затаился хладнокровный и умный убийца. Дело закручивается гораздо сложнее, чем предполагал сыщик. Похоже, Гуров перешел дорогу весьма высокопоставленным лицам – на него натравили целую свору коллег-перевертышей и их дружков-бандитов. Но цирк есть цирк... И Гуров устраивает грандиозное представление...

Николай Леонов

Удачи тебе, сыщик!

Пролог

Полковник Лев Иванович Гуров работал в органах МВД СССР девятнадцать лет восемь месяцев и двадцать шесть дней, был уволен «в связи с утерей доверия», не дослужив до пенсии три месяца и четыре дня.

Время такое – премьер-министры сменяются, словно постояльцы в привокзальной гостинице, только успел белье испачкать, пора на поезд и в какую-нибудь замшелую Францию обниматься с вчерашним неприятелем, а

нынешним кормильцем.

И нечего удивляться, что в такое время мента-полковника в четверг уволили с волчьим билетом, а в понедельник пригласили вернуться, не извинились, лишь обмолвились второпях, что накладка произошла, фамилию перепутали: вас внизу много, а мы наверху – одни. Нынче поезда быстро ходят, если, конечно, колеса по бартеру на яйца не поменяли. В общем, за время отставки сыщик успел лишь холостяцкую квартиру прибрать, в баню сходить, бутылку выпить да выспаться, как друг-генерал по телефону недовольно бурчит – криминальная обстановка в стране... и другие слова из телевизионных передач.

Полковник Лев Иванович Гуров и генерал Петр Николаевич Орлов работали в уголовном розыске: первый – около двадцати, второй – неполные сорок лет. Полковник высок, строен, в любой одежде изящен, глядя на него, любой бы подумал, что у большевиков в свое время патронов не хватило и дворян на Руси отстреляли не до конца, и они, окаянные, семя свое разбросать успели. Генерал внешностью был в точности наоборот – роста среднего, полноват, неуклюж, на лицо – без слез не взглянешь, к тому же генерал короткопалой ладонью трет порой его так, словно хочет вылепить новое, попримечнее. Когда генерал и полковник бывали рядом, что случалось довольно часто, появлялось предположение, что отец Орлова в свое время не успел застрелить деда Гурова. И чего не привидится в наше смутное время?

Вы уже, конечно, поняли, что они были друзьями, хотя и имели характеры абсолютно несхожие.

Сегодня они потоптались на начальственных коврах, выслушали слова о долге и Отечестве и теперь сидели в кабинете Орлова недовольные друг другом, жизнью вообще и своей собственной в частности.

– Лева, ты второй сыщик в стране, – произнес Орлов, сделал паузу, давая возможность спросить: а кто же первый? Но Гуров не клюнул, лишь снисходительно улыбнулся. – А сыщик – это не только розыскник...

– И скорохват, – перебил Гуров, – и дипломат, и жополиз. Вот они меня в дерьме вымазали, я им должен еще и сочувствие выказать. Мол, понимаю, какое у вас сложное руководящее положение, стрессы, перегрузка, всякое бывает, забудем старое...

– Кажется, вчера ты был худенький, голубоглазый, наивный, правда, талантливый мальчик...

– Далеко? – спросил Гуров.

– Что далеко?

– Ехать или лететь? Далеко посылаешь?

– В цирк.

– Ну, до цирка рукой подать, – усмехнулся Гуров. – Минут десять отшагал – и на арене.

Орлов покосился на кончик носа, недовольно хмыкнул, вытащил из папки загодя приготовленную бумагу, протянул Гурову. На несвежей помятой бумаге было всего несколько строк, большие корявые буквы свидетельствовали, что автор не увлекается эпистолярным жанром. «Здравствуй, Петр. Если ты здоров, подъедь быстренько ко мне, есть разговор. Дело по твоей части, да и должок пора бы погасить. Михаил».

Гуров повертел листок, глянул его на просвет, даже понюхал, положил на стол и сказал:

– Зоной пахнет, а ты говоришь – цирк.

– Медведем пахнет, а не зоной, Михаил Рогожин – артист цирка. Раньше был акробатом, потом швырялся на арене железом, последние лет пятнадцать работает с медведями. Объездил наш шарик вдоль и поперек, мировая знаменитость. Но дело не в этом. Ты, когда его увидишь, сразу поймешь. Он сделан из цельного материала, никаких заусенцев, трещин, пустых мест в Михаиле нет, раз пишет – надо, значит, надо. Я не могу, мне такой командировки начальству не объяснить, а тебе я поручаю обычную инспекцию, для проформы. Понял?

– Не понял, но раз надо... – Гуров пожал плечами. – Если не секрет, что за должок?

– Секрет. – Орлов протянул через стол командировочное удостоверение и задание редакции популярного журнала, в котором предписывалось корреспонденту Гурову Льву Ивановичу собрать материал и написать очерк о заслуженном артисте Михаиле Семеновиче Рогожине.

Гуров улыбнулся и сказал:

– Ну вот. Все возвращается на круги своя. В молодости я уже был корреспондентом, только не в цирке, а на ипподроме. И конюха звали Михаилом, и фамилия была схожая – Рогозин.

– Так шарик-то крутится, – пробормотал генерал, рассердился на себя за пошлость, покраснел и быстренько переключил разговор: – Я тебе не советую связываться с самолетом, поездом меньше суток.

– Интересно, как я на суточные проживу? – Гуров убрал документы, но не встал, а, закинув ногу на ногу, уселся удобнее. – Петр, ты мне свой секрет-то приоткрой, иначе несерьезно получается. Человек, пусть и заслуженный, пишет генералу – приезжай, и генерал немедля посылает полковника – опера-важняка, словно мы от сна и безделья места себе не находим.

– Нечего мне объяснять. – Орлов прижал ладонь к груди. – История, как Михаил отбил меня у бандитов, никакого отношения к сегодняшнему дню не имеет. Но раз Миша о ней напоминает, значит, дело серьезное. Я тебя прошу, поезжай и разберись.

Генерал встал, протянул короткопалую руку, Гуров пожал ее, кивнул, пошел из кабинета.

– Звони ежедневно, чувствую, хлебнешь ты горячего до слез.

Гуров уже открыл первую дверь, повернулся, взглянул на друга удивленно, хотел что-то сказать, но Орлов махнул рукой и сказал, добив окончательно:

– Удачи тебе, сыщик.

Глава 1

«Русские медведи»

Подобные афиши обошли многие страны мира и континенты, лишь в Австралии они пока не были, и надо же было такому случиться, что, когда условия контракта обговорили окончательно, до мелочей, осталось лишь подписи поставить, старший «медведь», Михаил Семенович Рогожин, от поездки отказался.

Было их двое, Михаил Семенович Рогожин, без года шестьдесят, рост около двух, вес за сто двадцать, и его воспитанник и друг Гоша, которому недавно исполнилось пятнадцать. Когда он поднимался на задние лапы, то был выше своего друга на голову, да не на какую-нибудь мелкую головенку, а на свою – медвежью, огромную. От рождения и Миша, и Гоша были бурой масти, но старший рано поседел, и со стороны казалось, что он носит белый парик, так что получалось, работают на арене блондин и брюнет. А в общем, они были похожи, быстрые и ловкие, казались увальнями, оба обладали колоссальной физической силой, житейской мудростью и хитростью, любили поесть и поспать, не пили, не курили, на службу не напрашивались, но от службы не увиливали, раз надо, так надо, ясное дело, за просто так не проживешь, мужик должен работать. Строго отрепетированного номера у Миши и Гоши не было, они многое умели и ходили на коверных: конечно, есть заготовленные репризы и сценки, но их более чем достаточно для одного выступления, а так можно это, можно и то, зависит от настроения и самочувствия. Миша и Гоша умели бороться и боксировать, кататься на гигантских велосипедах, передразнивая друг друга, бегать на передних и задних конечностях, играть в футбол, поднимать гири, порой прыгать через одну скакалку, правда, последнее получалось не всегда. Запутавшись в резиновом жгуте, Миша и Гоша раскланивались, виновато потирая затылки.

«Русские медведи» покоряли публику не столько сложностью трюков, сколько неожиданностью вроде бы и незамысловатого номера. Человек, ожидая дрессировщика с медведями, порой настроен саркастически: сколько уж их было – и снова! Что еще придумали и заставили делать несчастное животное? Знаем мы ваши фокусы, политику кнута и пряника. И вдруг на арену вываливаются два гиганта, человек и медведь, как и ожидалось, но нет дрессировщика, и зверя нет, есть артисты, которые не летают под куполом, не жонглируют горящими

факелами, они катаются на велосипедах, боксируют, кувыркаются, в общем-то, валяют дурака, ничего особенного. И лишь некоторое время спустя зритель понимает, что один из артистов огромный опасный хищник. Публике помогли это осознать простеньким способом: на арене появился клоун, якобы вышел не вовремя, и тогда Миша вздымал над головой руки, поднимался на носки, замахивался, шутливо спрашивал:

– А ты куда?

Зритель видел, насколько мал и беспомощен нормальный человек рядом с резвящимися гигантами. Все остальное выступление Миши и Гоши проходило под бурю аплодисментов. Особенным успехом «Русские медведи» пользовались в цивилизованных странах, где сравнительно недавно поверили, что в России в некоторых местах есть электричество и уже не носят медвежьи шкуры, меховые шапки в основном у начальников, а шубы у их жен и путан.

Сразу после выступления Михаил Рогожин запирался с Гошей в отдельном помещении, где медведь получал лакомства, а дрессировщик много пил, приводя себя в норму, так как один из них все-таки был хищник, а второй лишь человек, а за любой обман надо расплачиваться. Миша Гошу любил и уважал, когти ему не подрезал, и они походили на ножи. Ошибались артисты крайне редко, но выступали на гастролях ежедневно, порой и два, и три раза, так что сами понимаете... Двери после выступления должны быть плотно закрыты, так как, пока один хрупал яблоки, другой решал, как заштопать трико, либо извлекал на свет божий бутылку с йодом и лейкопластырь. Это, как уже говорилось, происходило крайне редко, но за пятнадцать лет всякое случалось. Любой работающий в цирке человек знает, что наибольшее количество несчастных случаев, травм – царапины и синяки не считаются – бывает не при работе с грозными рычащими львами и тиграми, а именно с добродушными, казалось бы, неуклюжими медведями.

Человек и зверь любили и уважали друг друга, жили дружно. На родной земле Михаил, урезая бюджет, подкармливал друга, на чужбине, наоборот, Гоша делился своим барским столом для экономии валюты, чтобы дома, поменяв ее на рубли, ходить вольготно на рынок, чинить реквизиты, реконструировать клетку. В общем, Миша и Гоша были русские ребята, сызмальства привыкшие к жизненному принципу: хочешь жить – умей вертеться.

И тут им подфартило: предложили турне по Австралии. Они обрадовались: и взглянуть на кенгуру интересно, и подработать можно, а то в родном доме такое творится, что «хватай мешки, вокзал отходит», не успеешь – с голоду помрешь. Однако врач, не обзывайте серьезного доктора «ветеринаром», наблюдавший Гошу со дня рождения, задрал голову и тыкая пальчиком в покрытую шрамами и седой шерстью грудь Миши, сказал:

– Слушай, ты своего кормильца побереги... Дорога, жара, переезды, работали вы много. Гоша уже не мальчик. Ему в средней полосе месячишка два отдохнуть требуется. Хоть Гоша и богатырь силы невероятной, а сердчишко у него самое обыкновенное.

Михаил Семенович Рогожин даже переспрашивать не стал, никаких консилиумов и обсуждений не устраивал, просто контракт не подписал. Хотя скорб и немалый, собрался быстро и прибыл в родной город, на цирковой арене которого кувырчался еще мальцом сопливым. Но прежде чем Миша и Гоша из столицы уехали да в провинцию прибыли, произошли события, которые вынудили Рогожина вспомнить о давнем долге лейтенанта милиции. Лейтенант за эти годы стал генералом, но память не потерял, потому...

В слякотный промозглый понедельник, на который легко наткнуться в первых числах марта на любом километре России, полковник милиции, сыщик божьей милостью Лев Иванович Гуров пил затхлый чай в задрипанном номере провинциальной гостиницы, с неприязнью смотрел на сползающую по оконному стеклу серую жижу и рассуждал о бренности всего земного, о том, что в жизни за все приходится платить и самые дорогие счета нам подсовывают близкие друзья. И Петр, будь маршалом, не сумел бы заставить Гурова работать по высосанному из пальца материалу. Генерал может заслать полковника не то что в глухомань, а к черту в зубы, но вынудить работать, когда все опротивело и белый свет не мил, может только друг. Петр, чтобы ему икалось и не глоталось, этим пользуется.

Гуров работать даже еще и не начал, не знал, будет ли работа и какая, но уже злился и жалел себя. В поезде к чему ни притронься, руки прилипают, белье пахнет болотом, а приехал на место – с неба сыплется не поймешь что, попросил «люкс» – девица за стойкой от удовольствия даже хрюкнула, попросил чай...

Сыщик поднялся из-за стола, выплеснул теплое мутное пойло в покрытую лишаями раковину и начал распаковывать чемодан. Гуров был профессионалом

и независимо от настроения все делал последовательно и внимательно. Внешность для сыщика дело немаловажное, и где бы он ни появился: в бане, на рынке или в дорогом ресторане, он должен смотреться так, словно был здесь и час назад, и третьего дня, и всегда. Еще в Москве сыщик представлял, как зашастыбают по осклизлой мостовой и найдет облезлое здание с колоннами, кособокой афишей, на которой розовая гимнастка пытается сломать свою гипсовую ногу, рядом отравившийся алкоголик, уныло повесив нос, изображает клоуна, – как войдет сыщик в этот храм веселья и найдет директора либо администратора и в очередной раз соврет, представляясь. И выглядеть в этот момент сыщик должен соответственно.

Гуров сделал гимнастику, через «не могу» нагрузился больше, чем обычно, так как ощущение собственного тела, силы всегда повышало настроение, обтерся мокрым полотенцем, надел свежую рубашку и, отчаянно фальшивя, начал насвистывать «Миллион алых роз». Он любил цветы, любил их дарить, и, когда жена еще терпела и Гуров был солидным женатым человеком, а не одиноким волком, как сегодня, «алые розы» Пугачевой были гимном некогда счастливой семьи. Известно, что все проходит, а терпение женщины тем более. Песня осталась – жена ушла.

Гуров, отгоняя воспоминания, сменил пластинку, теперь калеча другую мелодию, натянул джинсовый костюм, который получил в подарок от отца несколько лет назад. Сегодня полковник за месячную зарплату вместе со всеми надбавками и компенсациями ничего похожего приобрести был не в силах. Хотелось обуться в кеды, но консерватизм оказался сильнее, надел черные туфли на толстой подошве, тоже подарок отца. Интересно, в чем будет ходить сыщик, когда подарки износятся? Папа уже не многозвездный генерал, не командует на Западе, а копает грядки в деревне под Херсоном. Правда, как жил за границей, так и остался: переехал из Германии на Украину. Сыну всегда любил делать подарки, да и сегодня с удовольствием подбросит то тыкву, то арбуз или ведро персиков.

В общем, дела семейные пошли у полковника наперекосяк. Жена отбыла по собственному желанию, мама-профессор, папа – генерал-полковник ушли на пенсию, копают огород. Лишь сыщик с колеи не сходит, с пистолетом и наручниками в кармане летит вперед, ищет свою пулю. Красиво звучит, только уж больно безысходная жизнь у Льва Ивановича Гурова, рассуждал он с изрядной долей иронии, разглядывая себя в зеркале, проверяя, не выпирает ли из-под джинсовой куртки пистолет. Убедившись, что выглядит цивилизованно,

но скромно, Гуров прихватил плащ, запер номер, направился к лестнице и услышал, как за спиной распахнулась дверь. Сработал инстинкт: сыщик сделал быстрый шаг в сторону и развернулся на сто восемьдесят градусов.

– Ого! Вы что, из цирка? – спросила стоявшая на пороге своего номера женщина и несколько раз безрезультатно щелкнула зажигалкой. – Огонь есть?

– День добрый. – Гуров достал из кармана зажигалку.

Женщина посторонилась, приглашая войти, и сыщик, почувствовав запах французских духов, вошел в номер «люкс», который, казалось, находился в другой гостинице и не в этом городе. Женщина взяла у Гурова зажигалку, прикурила, возвращая, пожала руку.

– Ольга Дмитриевна. – Она затянулась вкусно, по-мужски, внимательно оглядела Гурова. – А вы не из цирка. А я не профессионалка, поджидающая доверчивых мужчин. Как вас зовут? Составите компанию или, как всякий командированный, торопитесь?

Гуров, хотя и был сыщиком, плохо определял возраст женщин. Ольге Дмитриевне, видимо, было где-то от тридцати пяти до сорока пяти, искусный макияж мог и скрыть, и прибавить годы. Она принадлежала к категории женщин, пользующихся успехом у мужчин и прекрасно знающих об этом, женщин, которых Гуров терпеть не мог, они это мгновенно чувствовали и начинали ему и себе доказывать, что он обыкновенный мужик, а они само совершенство. Гуров все понял, находясь в магнитном поле новой знакомой, изучал ее изящные туфельки, не поднимал взгляда, так как не имело никакого значения, какого цвета у нее глаза и волосы.

– Приехали сегодня московским? – Ольга Дмитриевна отошла к заставленному бутылками столу, плеснула в два бокала коньяку и, не предлагая Гурову, сделала изрядный глоток.

– Меня зовут Лев Иванович, приехал сегодня московским, выпью с удовольствием, спасибо, – сказал Гуров на одном дыхании. Выпил коньяк и запоздало произнес: – Со знакомством!

– Вы кто? Мы раньше не встречались?

– К сожалению... – Гуров улыбнулся. – А может, к моему счастью?

Он не умел говорить комплименты, да и не особенно старался.

– Мужлан! – Женщина кокетливо наклонила голову, протянула свой бокал. – Ухаживайте, но учтите, я здесь с мужем и вообще не из вашей команды.

Гуров вспомнил старый анекдот: «Учтите, что я девушка и вообще у меня после этого голова болит». Вслух сказал:

– Конечно, конечно, я из низшей лиги. – Он налил хозяйке коньяку, свой бокал отставил, поклонился. – Большое спасибо, но мне действительно пора.

Сыщик руку даме не поцеловал, ограничился сдержанным поклоном и вышел. Еще в Москве он изучил карту города, дорогу из гостиницы к цирку знал, идти было всего ничего. Ни подозрительностью, ни манией преследования Гуров не страдал, но, сталкиваясь с чем-то необычным, с фактом, выпадающим из повседневной череды серых будней, всегда задумывался, отчего да почему произошло то или иное событие.

Люксовский номер в центральной гостинице, дело обычное, держат для именитых гостей. Бутылки и закуски, ясное дело, привезены из Москвы, и дама, которая пьет в одиночестве, тоже из столицы. Она упомянула слова «цирк» и «муж». Все очень просто: хозяин номера и супруг скучающей прелестницы – крупный функционер из Гос- или Росцирка.

Гуров услышал за спиной звук приближающейся машины, предусмотрительно отошел от края тротуара, и грязь из-под колес пролетевшей «Тойоты» обрызгала менее расторопных аборигенов. Благородная машина была к людской брани равнодушна, проскочив два квартала, она остановилась у здания городского цирка.

В пессимистических рассуждениях о цели своего визита сыщик угадал и колонны, и афишу, но абсолютно не угадал духа праздничности и вкуса хозяев. На колоннах не осыпалась штукатурка, ступеньки парадного крыльца были чисто выметены, рекламный щит не облез, не скособочился, и рисовал его, безусловно, художник, обладавший если не талантом, то уж, конечно,

способностями и вкусом. Среди призрачных, лишь обозначенных фигур акробатов, жонглеров, изящных, даже сексуальных гимнасток красовался длинный худой клоун с умным и грустным лицом. И надпись была в духе времени: «Дорогие ребята! Уважаемые дамы и господа, мы всегда рады вас видеть!»

Гуров долго разглядывал афишу, взглянул на московский номер чумазой «Тойоты». Не сомневаясь, что центральные двери закрыты, он тем не менее упрямо поднялся по чистым ступенькам, толкнул тяжелую дверь. Неожиданно для него она открылась, и сыщик вошел в сумеречный вестибюль, пахнувший свежестью. Впереди сквозь раздвинутые шторы светилась арена, доносился разноголосый шум, сыщик понял, что идет репетиция, подошел, смотрел с любопытством. Неожиданно сыщик понял, что еще и в Москве, затем в поезде, а позже в гостинице, в неожиданных гостях, на улице, у афиши и вот теперь, уже в здании цирка, ему не хочется думать о предстоящей встрече. Гурову изначально не нравилось задание друга-генерала, его соскальзывающий взгляд, неуверенный тон. Ему казалось, что и надобности в поездке нет, придумал ее Петр спонтанно, желая сыщика сослать подальше от начальства, пока оно перестраивается и реконструируется, и получилось все неубедительно, даже комично, вроде стрельбы из пушки по воробьям.

Тонюсенькая девушка с бледным личиком в темном трико натирала чем-то ладошки и слушала гимнаста, видимо партнера, который, казалось, ее успокаивал. Рядом два молодых парня не очень ловко жонглировали кольцами. Неожиданно мимо Гурова, словно заяц, проскакал пудель. Прыгал он на задних лапах, передние держал сомкнутыми перед собой. Не успел Гуров подумать, что передние лапы пса, вероятно, связаны, как донесся женский звонкий голос, пудель встряхнулся и на всех четырех опрометью бросился в боковой проход.

– Ну? Журналист. Из Москвы. Ищете Мишу и Гошу, – произнес появившийся рядом с сыщиком мужчина, оглядел гостя и громко позвал: – Сильвер!

– Здравствуйте, – сказал Гуров, неловко пожав плечами. – Гуров. Вы угадали...

– Тоже мне – фокус! Колесников. Алексей Иванович. – Мужчина пожал Гурову руку, почувствовал мозоли, задержал в своей, повернул ладонью вверх, хмыкнул и неожиданно быстро и ловко ощупал плечи и спину. – Неплохо, совсем неплохо. – И снова крикнул: – Сильвер, черт тебя побери!

– Не кричи, здесь я, – отозвался мягкий мужской голос, и из бокового прохода появилась слегка прихрамывающая фигура. – Слушаю, Капитан.

– Проводи к медведям. – Колесников чуть склонил голову, недовольно поморщился, казалось, у него болит шея либо давит тугой воротничок.

Гуров разглядывал «капитана» Колесникова, хромонового Сильвера, который отвечал хитрым косящим взглядом и не двигался с места. Колесников хлопнул его по плечу.

– Чего окопался? Иди, сразу не съедят. – Колесников погладил выпирающий из-под фирменной куртки тугой живот. – Как медведи прибыли, понял, жди гостей. Ох не любит Москва терять... Будешь уговаривать вернуться? Ну-ну! – Он довольно хохотнул. – Ты с Гоши начинай! Его уговорить легче!

Довольный своей шуткой, он махнул на Сильвера рукой, вновь рассмеялся.

– Сказал же, проводи гостя, а потом ко мне. – И легко зашагал в темный боковой проход, и его бесшумная быстрая походка совершенно не вязалась с коренастой пузатой фигурой.

На железной коричневой двери было написано: «Осторожно! Хищники!»

Сильвер ударил несколько раз кулаком, железо гулко ухнуло, и из-за двери донеслось:

– Можно!

– Можно, – пробормотал Сильвер, – войдешь, а Гоша на пороге лежит. – Он хитро улыбнулся, сверкнул золотым зубом, с натугой потянул тяжелую дверь и крикнул – Михалыч, к тебе гость из престольной!

– Пусть войдет!

– Входи. – Сильвер пропустил Гурова в полуоткрытую дверь, сам остался в коридоре.

Гуров переступил порог и оказался в довольно просторной прямоугольной, хорошо освещенной комнате без окон. У дальней стены сидел седой мужчина, справа стояла огромная клетка, в которой громоздилась бурая гора. Гуров понял, что перед ним Миша, а справа – Гоша, а вместе они – всемирно известная пара «Русские медведи».

– Ну, я пошел, – крикнул из-за двери Сильвер и со скрипом ее притворил.

– Смазать все руки не доходят, – пробурчал Михаил Рогожин, скрипнул топчаном, поднялся, шагнул навстречу, вытирая подолом кимоно мокрые ладони. Это черное с золотом кимоно, поблескивающая седая шерсть груди, массивная фигура, рядом клетка с медведем, железная дверь за спиной даже на выдавшего разное сыщика произвели должное впечатление. Гуров поднял голову, посмотрел хозяину в глаза, которые оказались светлыми – то ли голубыми, то ли серыми – и очень настороженными, улыбнулся, протянул руку:

– Полковник Гуров прибыл по вашему приказу, Михаил Семенович.

Как недавно Колесников, хозяин почувствовал на ладони Гурова мозоли, ощупал плечи. Сыщик сначала расслабился, затем напрягся, как выражаются профессионалы, «выдал мышцу». Рогожин шевельнул лохматой бровью, довольно хмыкнул, кивнул, быстро и ловко задвинул в угол огромное ведро, в котором он перед приходом гостя чистил овощи, вытащил рубленый самодельный табурет, протер стол, начал накрывать, выставляя посуду, открывая банки с яркими этикетками, неспешно говорил:

– Значит, сам Петька не соизволил: служба загрызла либо гордым стал? – Голос у него был густой, но мягкий. – Ты документик-то положи, взглянуть хочу. – И ткнул пальцем в стол. – Я сам чай с травками, тебе могу предложить иное, коли настроение имеешь. Хотя в доме с этим строго, Капитан порядок блюдет, но сюда никто не посмеет, тут мы командуем.

Обычно милицейское удостоверение смотрят мельком, как бы извиняясь, торопятся вернуть хозяину, но Рогожин изучал «верительную грамоту» внимательно, сверяя фото с оригиналом.

– Молодой, а уже полковник, по-нашему, значит солист, свой номер исполняешь... Уважаю. – И неожиданно спросил: – А Петр все еще жердь или с

годами мясом оброс?

Гуров знал Орлова не сорок, лишь двадцать лет, но был уверен, что генерал, и будучи лейтенантом, дистрофией не страдал, комплекция не та, понял, что проверяют, и улыбнулся. Сначала сыщик хотел разыграть артиста, но решил не рисковать и ответил серьезно:

– Я знаю Петра Николаевича не один десяток лет, он все вес гонит, так что вы, уважаемый Михаил Семенович, мне чайку налейте и переходите к делу.

– К делу, к делу... – Рогожин явно смутился. – Знал бы я, к какому делу и с какого конца.

– С конца не надо, лучше с начала.

– Знаете, как говорится, беспокойно в королевстве Датском и все смешалось в доме Облонских, – задумчиво произнес Рогожин, засыпая в чайник из разных пакетиков.

Чувствуя, что хозяин следит за его реакцией, сыщик взгляда не поднял, но лицом невольно затвердел: услышать от Рогожина такие слова было, мягко выражаясь, неожиданностью.

Рогожин колдовал с заваркой, молчал, наступила пауза. Артист заварил свое колдовское снадобье, сыщик подошел к клетке и стал рассматривать бурую мохнатую гору.

– Ты не думай, что Григорий спит, как ты вошел, он проснулся, отправит на пенсию в момент.

Зверь понял, что хозяин говорит, повернулся с бока на спину, потянулся, зевнул, лизнул лапу. От вида этой мощи, желтоватых клыков и тускло поблескивающих лезвий когтей, которые были много опасней воровского ножа, у сыщика вспотели ладони, а ноги ослабли. Гуров знал, что это последний звонок, предупреждающий о смертельной опасности.

Лет восемнадцать назад, когда он впервые так испугался, то признался в этом своей матери – врачу-психиатру и спросил: «Мама, я что, патологический трус?» Мама внимательно выслушала, показала сына невропатологам и вскоре сообщила, что, видимо, этим свойством обладали наши далекие предки, потому и выжили в тяжелой борьбе за жизнь. Веками, с развитием цивилизации, человек постепенно утрачивал это качество. У современного человека чувство опасности обострено различно, в большей или меньшей степени, он, Левушка, в некоторой степени уникален, вроде пещерного человека. А трус он или нет, зависит не от сигнала, который ему подает мозг, а от его реакции: можно кричать, бежать, столбенеть, падать в обморок, наконец, защищаться.

За многие годы оперативной работы Гуров получал такой сигнал не единожды и выработал приемы защиты, первый и непреложный: начать быстро двигаться и определить источник опасности.

Сыщик стоял в метре от клетки, но на всякий случай сделал шаг назад, повернулся лицом к Рогожину и расстегнул пиджак, причем все это он проделал одновременно и мгновенно. Артист разливал чай, кустистые брови на смуглом лице шевельнулись, густой голос произнес:

– Присядь, попьем, я употребляю только горячий.

Гуров вернулся к столу, но предложенную чашку не взял, боялся, что рука дрогнет и выдаст. Сыщику было стыдно, он испугался неизвестно чего, взглянул на Рогожина, проверяя, понял ли артист, что произошло, увидел в его глазах глубоко запрятанные огоньки, лукавые, одобрительные, и вспомнил, как Орлов сказал, что Михаил сделан из цельного материала... «Раз пишет, надо – значит, надо». Михаил сыщику понравился, однако Гуров сердился, чувствовал, что его вроде бы экзаменуют, приглядываются, решают, доверять или только чаем напоить да передать привет старому другу. И еще сыщик понимал, что ничего от него не зависит, решает седой гигант в кимоно, следует молчать, ни в коем случае не торопить, терпеть и ждать. А уж что настоящий оперативник умеет, так это терпеть и ждать. Он взял пиалу, понюхал, пригубил, вкус был так же незнаком, как и запах, обжигаясь, выпил с удовольствием.

– Мужик, вижу, настоящий, давно не встречал, думал, что перевелись. Медведя ты не понимаешь, а от клетки мигом убрался, значит, чувствуешь. Люди полагают, что медведь коротколап, и ошибаются. Григорий тебя бы достал, как кот мышь. Но ты ему понравился, я понимаю, но как понимаю, этого не

объяснишь. Ты смерть чувствуешь, и я чувую, а уж Григорий, как мы оба вместе. Тут она, рядышком бродит, косою помахивает, не знает, с какого боку ударить.

Рогожин распахнул роскошное кимоно, твердыми пальцами прочесал серебристую шерсть груди, неожиданно сказал:

– Ты кури, кури, нам не помеха, а хуже нет, когда человек себя непрестанно окорачивает. Я буду долго говорить, может, и лишнее, но ведь тебе лучше больше, чем меньше.

Артист вопросов не задавал, говорил утвердительно, потому сыщик ничего не ответил, лишь согласно кивнул, закурил и с удовольствием затянулся.

– Должны мы в Австралию отбыть, нормальная работа. Я на том берегу не бывал, согласился. Страна богатая, думаю, людей поглядим, кенгуру, подкормимся, хотя не думай, мы не только за деньги работаем, у нас запасец есть. Я там, в ихнем банке, держу. Конечно, стыдоба, однако мы мужики здоровые, нам требуется порядочно, а на Руси давно уже воруют, лет семьдесят с лишним, а если попросту, так грабят безбожно. Короче, мы согласились. И тут доктор, который за нами приглядывает, говорит: «Григорий в возрасте, да и ты не мальчик, мол, Австралия, конечно, разные там мартышки, бананы, доллары, только не советую тебе по старой дружбе».

Историю эту сыщик знал, уже о враче и справки навел, и сам с ним беседовал, но слушал внимательно, понимал, что человеку, прежде чем в кресле у зубного врача рот открыть, нужно настроить себя, подготовиться, ведь известно, что ничего хорошего не ждет.

– Гоше дорогу, жару тамошнюю не пережить, – продолжал мягко урчать седоголовый гигант. – Есть и другие мнения: мол, здоровый зверь, все переживет, вернется живой. Решай, Михалыч, так меня цирковые зовут, ты хозяин-барин. Там суета, эти маленькие, которые по нашей шее бегают, питаются, торопятся, шлют факсы, телексы, подписывают контракты.

Рогожин провел ладонью по шее, поднялся, кастрюлей из бачка зачерпнул, подошел к клетке. Медведь в рост в ней подняться не мог, сел, подпер огромной башкой верхнюю стенку и просунул лапу между прутьев. И тут сыщик понял, о чем ему говорил артист, лапа вытягивалась и вытягивалась, казалось,

иллюзионист показывает фокус. Гуров взглянул на лезвие когтей, прикинул, где минуту назад стоял, и поправил на своей голове прическу.

Рогожин шлепнул ладонью по могучей лапе, что-то проурчал, продвинул овощи в клетку, почесал медведя за ухом, еще поурчал и, вернувшись к столу, продолжал, словно не отходил:

– Я с этими попугаями, хотя чего умную птицу обижают, неизвестно... Я ни с кем объясняться не стал, бумагу порвал, сказал, мол, заболели мы, оба – враз. Тут началось! Нарушение контракта – пакостное дело, но не в первый раз, номер всегда заменить можно. Мы с Григорием ребята штучные, но у цирка в запасе есть не хуже. Заболтался я, скажу короче. Наверху поругались и замолкли, начали искать замену, сам понимаешь, Австралия не Тамбов, желающие найдутся. Я родом отсюда, – артист постучал пальцем по столу, – позвонил Лешке Колесникову, я ему сопли недавно вытирал, говорю, приеду вскоре. Собираюсь неспешно. Неожиданно звонят. То ли мужик, то ли баба, голос скользкий:

«Мы вам, уважаемый, очень советуем ехать на гастроли».

«Кто мы-то, – говорю, – вроде бы большевиков уволили».

«Не занимайтесь политикой, берегите здоровье, отправляйтесь в Австралию».

«Спасибо, – отвечаю. – Ты, сынок, загляни ко мне для беседы, я тебе про здоровье детально растолкую, ты потом всю жизнь эти детальки будешь складывать».

Рогожин подрал седые заросли на груди, посопел, видимо, вспоминал, пытаюсь восстановить прошедшие события.

– Часа не прошло, вновь тренькают. Голос другой, солидный, спокойный. Извинился, начал чего-то про новые структуры объяснять, про коммерцию, я не понял толком, а в конце выступления выдал трюк – если поедете, выплатим десять тысяч долларов. Пять после подписания контракта, пять по прибытии в Мельбурн. Ну, тут уж я закусил удила, на дыбы поднялся. – Теперь Рогожин почесал в затылке. – Плохо я ответил. Мне бы не сегодня, а тогда Петру позвонить. Но ты пойми, парень, он мне за жизнь Григория деньги предложил.

Прибыл сюда, приняли как должно, я обустроился. – Он указал на топчан и стол. – А чуть погодя заскакивает Иван Иванович, пацан, которого ко мне без надобности приставили, и тащит пакет с мясом и костями, килограммов пять, не меньше. Вы заказывали, вот прислали. Я спрашиваю: кто прислал-то? Пацан отвечает, что какой-то мужик незнакомый, вроде грузчик у Митрофановны – так зовут хозяйку магазина за углом. Иван Иванович мясо положил и не уходит, помялся и спросил:

«Мастер, может, вы мне выделите чуток, мы мяса в этом году не видели».

Рогожин помолчал, глотнул остывшего чая, взглянул сурово.

– Ты вот смерть чуешь, я видел. У меня тут мурашки по плечам побежали, я отвечаю, непременно выделю, не сомневайся, иди пока. Он убежал, а я думаю: мясо я никому не заказывал, и Лешка Колесников позаботиться об нас никак не мог, знает, что ни Григорий, ни я мясо не употребляем. Я отучился – вес растет, у Григория и вес на пределе, да он и без мяса мужик серьезный, начнет употреблять, сладу не будет. Случается, поклонники подбрасывают, но они обязательно лично являются, оно и понятно, на артистов поглядеть, ну и добротой похвастаться. А тут, по нынешним временам, такое богатство – и через посыльного. Не складывается, ну и, конечно, болтовня телефонная вспомнилась. В общем, прихватил кусочек мяса, сунул подарочек в дальний угол, выбрался во двор, где псина отощавшая шастает, выбрал самого замухрышчатого и подкормил.

Сыщик так долго молчал, что посчитал возможным спросить:

– И как? Сразу или на другой день?

– К вечеру, – ответил артист, – а сотоварищи его порвали и тоже все полегли. Но то был только парад-алле, номер показывали на следующий день. Иду по городу, темно, фонарей у нас на всю Россию дюжина, из них десяток в престольной, сам знаешь. Ну, я шагаю, такой порядок завел, перед сном хотя бы с пяток верст отмахать, вдруг чую, кто-то приглядывает за мной и не с любопытством, а зло и как бы перед ударом примеривается. Удар – это я так сказал, понимаешь. Меня в рукопашной завалить – надо бригаду ОМОНа вызывать, а подстрелить и один мерзавец способен. В общем, как мурахи по плечам побежали. Я шаг придержал, башка седая, а дурная, привстал как раз у подслеповатого окна, оно

тут же и тренькнуло. Ну и бежал, скажу тебе, как молодой конь, шаг-то у меня широкий. Все. Марш. Поклон. Артисты покидают арену... Ну как номер?

Не то чтобы сыщик разволновался, скорее обрадовался. Ничего еще не просчитав, не поняв ничего толком, он почувствовал – история завязывается крутая, приехал не зря.

Теперь молчал и ждал артист, удивления не выказывал, лишь шевельнул лохматой бровью, прошел к своему другу-напарнику, заговорил с ним ворчливо, почесывая загривок.

– Михалыч, вы говорили, что у вас, кроме чудесного чая, и напитки имеются?

Глава 2

Смерть первая

Гуров налил в стакан на два пальца, пригубил и в который уже раз подумал, что мир набит не дураками, поэтому люди предпочитают виски, а рассказы о популярности русской водки – утешение для нищих.

– Из каждой поездки ящик привожу, – Рогожин колдовал над свежей заваркой чая, – мы-то не употребляем, а для жизни абсолютно необходимо, жидкая валюта. В России лучшая взятка и самая лучшая оплата.

Выложив суть своего дела и поняв, что людей беспокоил не зря, артист повеселел, лицом разгладился, заговорил легче, и его слова, мол, мы с напарником молчуны, были лишь нехитрым кокетством.

– Эту валюту и министры, и мастера берут, и дела решают быстро, сноровисто, как положено. А провезти пару ящиков нам легче, чем фигу показать: сунул в угол Гришиной клетки, тряпками прикрыл, соломки бросил, вопрос решен. Пограничники, таможенники глянут – и ходу. Лет несколько назад, еще при большевиках, конфуз приключился. Молодой шустрый таможенник мне говорит: «Выведите зверя, желаю клетку осмотреть, в таких

объемах вы можете любую контрабанду провозить». Я отвечаю, что, мол, стар, воспитан иначе, а Григорий не зверь, а очень даже большая умница, а в данный момент не в настроении и из дома не пойдет. А мальчонка губу отвалил, гнет свое, что он при исполнении, его долг блюсти, чтоб мы ему лапшу не вешали, иначе мы не соответствуем и все тут сплошной обман и провозим мы в клетке наркотики, золото либо иконы.

Гуров лишь пригубил, боялся расслабиться и что-нибудь упустить, он старался только слушать и запоминать, но не получалось. Сыщик слушал, непроизвольно уже просчитывая ситуацию. «Человек отказывается от зарубежных гастролей. Возможно, за выступление «Русских медведей» в Австралии некто получил взятку и ему отказ поперек горла. Возможно. Но десять тысяч долларов? Ради чего платить такие деньги? Каков же размер взятки? Положим, я в этих делах дилетант, – рассуждал Гуров. – Возможно, там оперируют такими суммами. Из чувства мести, за потерю «навар» попытались отравить медведя. Допускаю. А вот покушение уже даже не двадцать два, а тридцать восемь. В данном вопросе, извините покорно, я профессионал и знаю, за что могут убить человека, а за что – нет. А вот если в твоей клетке собирались провезти серьезную контрабанду, а вы, уважаемый и заслуженный, в последний момент передумали, тогда дело иное». Ехал правильно, а прибыл не туда, одернул себя сыщик.

– А история происходила при выезде, у меня ну ничегошеньки запретного, только грубости и дурости не терплю, потому закусил и на дыбки, – продолжал Рогожин. – Спокойно так отвечаю, мол, я заслуженного артиста из-за твоей сопливой фанаберии нервировать не стану. У меня есть начальство, а у тебя так его до чертовой матери, соберите съезд, пленум и решайте. Не наводи на грех, а то я тебя по попке вытяну и устроишься ты в лазарете для малолетних. Ну, понимаешь, слова я употребил попроще, но смысл передаю точно. Я тебе не надоед, полковник? Я ля-ля, а тебе работать.

– Почему же, очень интересно, – ответил сыщик.

Мысли мелькали, сбивались, затем разлетались, он пытался только слушать, не анализировать. Позже, когда сыщик Гуров и человек Гуров останутся один на один, они спокойненько разберутся, профильтруют, рассортируют и попытаются сложить мозаичное панно. А сейчас главное, чтобы артист Рогожин заинтересованности милиционера не почувствовал, и Гуров беспечным тоном ответил:

– К сегодняшнему ваша история никаким краем, но продолжайте, я любознательный.

– Ты, я вижу, не пьешь, а так, для форсу. – Рогожин кивнул на стакан, который держал сыщик.

Гуров вновь пригубил и поощрительно улыбнулся.

– Да, история занятная. – Рогожин чуть помедлил и продолжал – Ну, мальчонка губу подобрал, вытянул рацию и бу-бу-бу, бу-бу-бу, однако дистанцию принял, ждет, наблюдает, чтобы я какую крамолу из клетки не утащил. Григорий лежит, лапой морду прикрыл, вроде спит, но я-то понимаю, прикидывается хитрец. Подглядывает, интересно ему, смысла, может, и не понимает, а скандал точно чувствует, слышит, как я вздыбился.

Надо пояснить, что в той поездке, уж куда мы тогда двигали, запомню, нам администратора со стороны подсунули. Уж сколько звезд у него на погонах было либо партбилет особенный, не знаю, но мужчинка был не наш, не цирковой. Тогда за эти поездки глотку рвали, видно, он кому-то перекусил и устроился. Я Григорию корма подкинул, он лапой пригреб, жует, но из засады не вылазит, любопытный вроде тебя. Он и сейчас слушает и подглядывает.

Первым прибежал наш, этот горлогрыз, и ко мне. Поначалу в голос: «Чего вы себе позволяете? Вы весь коллектив задерживаете. Вам так не пройдет!» Ну а я повернулся и пошел к водителям трейлера чай пить. А с нами ехал коверный, классный мужик. Ему, конечно, самолет полагался, но он сказал, что желает со зверями прокатиться, но, полагаю, трепался, у него просто огромный перегруз был. Но мужик, говорю, классный, заслуженный и умный. Он этого бегунка-горлогрыза прихватил и шепнул ему пару слов неласковых. Тут начальник таможни подплыл, глаз с прищуром, щеки на воротнике разложил, дух от него, словно душ из первача принял. «Кто тут от досмотра увиливает?» – «Вот они», – отвечаю и указываю на Григория. «А вы, как понимаю, дрессировщик? – Самогонщик совсем глазки прикрыл, ухмыляется. – И как же вы прославлять Родину собираетесь, если медведя из клетки вывести не способны?» – «Он артист и понимает, где работа, а где просто дурью народ мучается». Я чай допил, из кабины вышел.

Тут администратор мне под мышку забрался, шепчет:

«Михаил Семенович, родненький наш, не губите...»

Я ему локтем поддал, рассказывают, что он сутки слова вымолвить не мог, повернулся к самогонщику и говорю:

«Не верите, пожалуйста, я попробую. Только вы лично отойдите, Григорий ваш дух не принимает, может меня отпихнуть, выскочить, а тогда не только от вас, – помню, я тогда на небо посмотрел, в нем беленькие барашки кудрявились, – от всей вашей таможни мало чего останется. А Григорий стоит куда дороже вашего сарая, так что стрелять в него не посмеете».

Ну, правда, позже выяснилось, что я этого мордворота недооценил, а тогда он ухмыльнулся широко и отошел спокойненько. Я к Григорию забрался, чую, беспокойный, поднимается, я уж думаю, не заигрался ли, саданет он мне, действительно выскочит, и быть беде. Оглаживаю, слова ласковые урчу, амуницию положенную надеваю. Гоша и обмягчал, решил, что работать будем. А у нас номер есть, когда я его якобы с арены увожу, а он меня с ног сбивает, перед этим номером я ему определенный сигнал подаю. Ну, я сигнал подал, тяну его из клетки, а он меня лапой по ногам. У меня второй пары нет, ноги я, понятно, заранее приподнимаю, только этого не видно. Грохнулся на пол клетки, гулко получилось, выскочил из клетки, запер, руками развел, говорю: «Если начальство желает, может само попробовать».

Таможенник ощерился и отвечает: «Начальство желает блюсти интересы Родины». Повернулся и махнул рукой.

Рогожин выдержал паузу, огладил седую голову, улыбнулся, вспоминая, и продолжал:

– Подозвал мордворот нашего ветеринара. Тут я допер, чего так долго таможня не появлялась, он мозги еще не пропил, ко встрече со мной приготовился. Понял, сейчас Григория усыпят. Клянусь, что в бутылку полез. Ты же видишь, какой я здоровый, коли залез, так мне уж назад никак... Я встал перед клеткой, руки на груди скрестил, молчу. Поверишь, полковник, вспоминаю, ну стыдоба, ведь мне тогда уже полтинник минуло... Тут этот, видно, мать его против воли родила, и преподнес:

«Либо немедля медведя усыпят и клетку тщательно досмотрят, либо я дам приказ все ваше хозяйство полностью обыскать и решу соответственно. Ясно? Думаете, не знаем, чего везете и где прячете? Выполняйте!» – И пошел вразвалочку.

А надо сказать, к тому времени уж весь наш народ: водители, обслуга, много кого – подтянулись, наблюдают. Поначалу-то ребята забавлялись, все на моей стороне, а как услышали, враз потускнели. Каждый считает, сколько у него водки либо икры, у кого «хохлома», которую таможня враз может национальным достоянием посчитать. Глянул я в лица сотоварищей, уж на заслуженного коверного и глаз не поднял, понял: спекся Михаил Рогожин, кивнул ветеринару, пошел в кабину трейлера, вытянул из-под сиденья пузырек водительский, размотал и проглотил разом.

Горькая история, тяжело вспоминать, думал сыщик, разглядывая янтарную жидкость в своем стакане. И к чему же ты ее вспомнил и зачем рассказал? Разрывая нависающую паузу, Гулов как можно беспечнее спросил:

– Как же такого гиганта без вас усыпить можно? Он что же, ветеринара подпускает?

– Зачем? – удивился Рогожин. – Техника отработана, шприц заряжают, чем положено, вставляют в специальную трубку и выдувают, как выстреливают. Куда попасть, ветеринар знает, Григорий на полчаса и отрубается.

Артист неожиданно рассмеялся, медведь в ответ ухнул, завозился, тряхнул клетку.

– Но программа на том не кончилась, – объяснил свой смех Рогожин. – Григорий прилег, таможенник понятых пригласил, клетку обшарил, там, кроме медвежьего говна, прибрать в дороге не успели, ничегошеньки. Мальчишка каблучком по доскам стучит, пищит, мол, под полом желает осмотреть. Ну, желать-то чего угодно позволено, только как триста с лишним килограммов живого веса с места сдвинуть? Да ежели они проснутся? Когда в клетке ничего не нашли, люди повеселели, на меня уж не скалятся, озорно подмигивают. Я же не употребляю, поэтому водка к тому моменту до места прибежала, меня размагнитила, стою расслабленный, вдруг за спиной как рявкнут, что мой ротный старшина: «Кончай цирк! Дорогу артистам!»

Я повернулся, начальника таможни не узнаю, щеки на положенном месте, глаза открылись, умные, с хитринкой, снизу на меня смотрят, не мигают. Народ весело забегал, клетку в трейлер покатали, моторы ожили. А начальник приятным баритоном говорит: «Вы, уважаемый Михаил Семенович, своему напарнику шалить не позволяете, иначе он вас слопал бы. Так и я спускать неповиновение права не имею. Сегодня медведь не вышел, завтра груз нет возможности разобрать либо дверь заклинило, да и вообще, вертухай, пошел бы ты по известному адресу. Так что мы с вами, считаю, по краям, желаю удачи, всего вам наилучшего. А что клеточка пустая и под полом у вас ничего нет, я и не сомневался. И последнее, – он мне подмигнул, – к сожалению, на горьком опыте испытал, водка ни черта не помогает».

Ну как, полковник? – Рогожин взглянул на Гурова снисходительно. – В человека не залезешь, никак его не поймешь. Потому я твоей работе не только не завидую, ну просто не приведи господь.

Сыщик согласно кивнул и сказал:

– Человек – это звучит гордо? Человек – это звучит загадочно. Так, Михалыч, значит, вас все-таки таможня не досматривает.

– Слух быстрее звука, – улыбнулся Рогожин. – К тому же звук – величина постоянная, а слух, как лавина с гор, чем дальше летит, тем страшнее. Сначала прошелестело, что Григорий таможенника покалечил, вскоре – что задрал, потом окровавленные трупы начали, не считая, выносить. Сегодня на таможню прибываешь, сразу объявляют: «Миша и Гоша? Проходи!»

– Значит, нет худа без добра, и я пью контрабандное виски, – подвел итог сыщик и быстро сменил тему: – Вы с тем мясом как поступили?

– В канализацию спустил.

– Значит, Ивану Ивановичу рассказали?

– Зачем? Я на базаре пару килограммов купил, парню отдал.

– А дохлые собаки?

– Ветеринарка увезла.

– Значит, концов не найти, – сказал сыщик. – Плохо. Мне хотелось бы знать, чем конкретно травили.

– Обижаете, полковник. – Артист подошел к стоявшему в углу холодильнику, вынул из заморозки заиндевевший комок фольги, положил на стол.

– Вы умница, Михалыч. – Сыщик тронул фольгу пальцем, спросил: – Тогда вы и треснувшее в тот вечер перед вашим носом окно тоже найти можете?

– Обязательно. Пулю искать будете?

– Все-то вы знаете. – Гуров на Рогожина не смотрел, потому что артист с каждой минутой нравился ему все меньше. – А выстрела не слышали?

– Не слышал. – Рогожин пожал могучими плечами. – Так, я полагаю, в таких случаях глушителем пользуются...

– Да, случается, – ответил неопределенно сыщик, пытаясь найти ответ, почему странный приятель генерала Орлова, такой сильный и, казалось бы, открытый, так внезапно разонравился?

Гуров хотел затянувшийся разговор закончить, передумал и, допив виски, спросил:

– Не торопитесь? Тогда по чашечке чая на дорогу.

Рогожин взглянул на часы и начал возиться со своими баночками и пакетиками, а Гуров отошел к клетке, только встал уже у противоположной стены. Сыщик не разглядывал знаменитого Гошу, хотел побыть от артиста в отдалении, скрыть свое напряжение и сориентироваться.

«Так что все-таки произошло? Что насторожило? Держится человек уверенно, раскованно, что часто присуще артистам. Но какая-то в нем двойственность есть, точнее раздвоенность. Человека во многом определяет речь, манера говорить, словарный запас. Рогожин же говорил как бы на двух языках. В

основном он объяснялся на простецком, даже мягко-блатном и тут же произнесет несколько фраз на литературном, с претензией на изысканность. Орлов познакомился с Рогожиным около сорока лет назад, виделись они крайне редко, так что характеристики, данные генералом, следует забыть. Я запутался, необходимо сосредоточиться, все отбросить и попытаться выяснить лично для себя, как в детстве, хороший перед тобой человек или плохой?»

Сыщик давно изобрел нехитрый тест, помогающий почти безошибочно получить ответ на столь сложный вопрос. Гуров подозревал, что изобрел велосипед, на котором катались еще несколько веков назад, но сыщик на свое детище и не пытался приобрести патент, применял при необходимости, не мучаясь вопросом: придумал он новое или использует давно забытое старое.

Свежий чай имел иной букет и понравился Гурову еще больше, о чем он и сообщил Рогожину.

– Спасибо. Я кофе не отрицаю, но чай значительно богаче, разнообразнее, если так можно выразиться – палитра шире. Искусство заварить невелико, необходимы настоящий чай и дополнительные компоненты. Я езжу, имею эту возможность, а не будет, значит, не будет, такова жизнь. – Рогожин поставил пустую пиалу и спросил: – Так что еще тебя интересует, полковник?

– Из работников цирка либо артистов сегодняшней программы вы никого не подозреваете в чем-либо дурном?

– Нет, – решительно ответил артист, и было понятно, что он над этим вопросом уже ломал голову.

– Кто здесь директор?

– Так ясно же, Лешка Колесников.

– Что он за человек?

– Нормальный, иначе я бы сюда не приехал. В молодости кувыркался на арене, акробат, нижний. Однажды ему в плечо неудачно прыгнули, какой-то нерв придавили и с позвоночником чего-то, заметил, он слегка подбородком дергает,

словно ему воротник жмет. С ареной Лешке пришлось расстаться, переживал шибко и заболел. – Рогожин щелкнул себя по горлу. – В России болезнь популярная, уже совсем доходил, но выбрался, причем сам, без врачей и химии, с тех пор ни грамма. Был администратором, шестой-седьмой год как директор. С виду Лешка простак, но не верь, мужик серьезный, держит всех! – Артист сжал пальцы в кулак. – По старым меркам, а уж по нынешним тем более, Лешка мужик деловой, но порядочный.

– Ну а Сильвер?

– Та же история, под копирку. Выступал, сломался, охромел, заболел тем же, на дно опустился. Лешка его, считай, из канализации вытащил. Сегодня в цирке такой закон, выкурил сигарету – сто рублей, выпил – тысяча. Так что ты, полковник, здесь навывступал, – Рогожин указал на стакан и окурки, – соответственно. Однако Михаил Рогожин некоторым образом государство в государстве, и находишься ты под моей защитой. Сильвер хитер, оборотист, торгует, подворовывает помалу, да и не помалу тоже, но парень верный, слово держит, патриот цирка. Как мне доложили, когда цены отпустили, рубль изничтожился и надвинулся голод, Сильвер многодетную семью собой подпер, практически содержит.

Отвечая на вопросы Гурова, артист не ведал, что проходит тест: не столько рассказывает об окружающих людях, сколько дает возможность разобраться сыщику в сути Михаила Рогожина, хороший он или плохой. Сыщику было важно понять, какие черты выделяет в человеке Рогожин, как он относится к добру и злу, очень важна интонация. Можно назвать человека мерзавцем с удовольствием, а можно с сожалением. Оценивая услышанное, сыщик всегда помнил, что человеку присуще лицедейство, он придумал самого себя, вжился в образ и играет не только перед собеседником, но и перед самим собой, поэтому может быть абсолютно искренним, но отнюдь не правдивым, слова его нельзя принимать за чистую монету. Такому ролевому самоуправлению особенно подвержены люди закомплексованные. Сыщик давно убедился, что Михаил Рогожин комплексами не мучается. Тщеславен сверх меры и потому Гурова все время называет полковником, не отдавая себе отчета, что этим постоянно подчеркивает: раз прислали полковника, то, значит, он, Рогожин, – генерал. А так артист – человек в себе уверенный, сильный, к лицедейству не склонный, видимо, врет только при необходимости, а в обыденной ситуации не только искренен, но и правдив.

– Лешка коллектив в цирке собрал подходящий, каждый на своем месте. Артисты сюда едут с удовольствием. – Рогожин снова взглянул на часы, но сыщик не шелохнулся, знал, когда время наступит, хозяин скажет без обиняков. – Программа у Колесникова всегда сильная, проходных номеров мало. И совершенно уникальный коверный, я таких в стране не видел. А в книжке Никулина вычитал, что в тридцатые-сороковые годы был в расцвете клоун Муся. Судя по тому, что Юрий Владимирович пишет о Мусле, местный клоун по кличке Классик такого же мирового класса.

– Михаил Семенович, а почему вы не попытались выяснить у парнишки, который принес отравленное мясо, кто ему это мясо передал? – спросил Гуров, забирая со стола комочек фольги.

– Ивана Ивановича? – Рогожин растерялся. – Почему у него не спросил?

Гуров молчал, смотрел на хозяина со спокойным любопытством.

– Я спросил... Нет, не спрашивал... А что ты, собственно?.. – Рогожин начал медленно подниматься.

Гуров сидел, ему снизу показалось, что гигант сейчас подопрет потолок. Сыщик знал, что если он хочет этому человеку помочь, то артиста сразу же следует осадить и поставить на место.

– Вы не на арене, Михаил Семенович, и даже не на таможне. «Я закусил», «я вздыбился», об этом вы мне рассказывали, теперь же вот и показали. И хватит. – Тон у сыщика был спокойный, нейтральный.

Рогожин опустился на стул, смотрел удивленно, будто увидел полковника Гурова только сейчас.

– Так почему не спросили?

– Иван Иванович... – заворчал Рогожин, махнул рукой. – Это долгая история, а нам пора на работу.

– Хорошо. – Гуров поднялся. – Во сколько мне зайти? Мы пройдемся по городу, вы расскажете мне другую историю и покажете простреленное окно.

Миша и Гоша разминаться отправились во внутренний двор цирка, Гуров прошел кулисами в полутемное фойе, остановился в раздумье, решая, что следует предпринять. «Ты, главное, сыщик, не торопись с анализом», – уговаривал себя Гуров.

Так. Отдать мясо в лабораторию, найти треснувшее окно, попытаться разыскать пулю. Начальника местного уголовного розыска Гуров знал и еще в Москве решил, что в крайнем случае обратится к нему за помощью. Сыщик предпочитал работать один, но нужен был химический анализ и обыск квартиры, в которой прострелено окно, если такое окно вообще существует. Поэтому без помощи не обойтись. «Все надо сделать сегодня, можно чуть позже, а сейчас надо познакомиться с Иваном Ивановичем», – решил Гуров и пошел сумрачным коридором вокруг арены.

Утренние репетиции закончились, служащие занимались уборкой, на сыщика никто внимания не обращал, здоровались и продолжали заниматься своим делом.

Как же его разыскать, прикидывал сыщик. Зайти к директору? Как объяснить интерес московского корреспондента к рабочему?

– Ищете кого?

Гуров услышал чуть хриловатый голос, повернулся и увидел парня, который единственной рукой опирался на метлу, пустой рукав рабочего комбинезона был аккуратно заправлен под поясной ремень.

– Добрый день, – сказал Гуров. – Ивана Ивановича не видели?

– Добрый, добрый, – парень кивнул, посмотрел Гурову в глаза.

Сыщику и преступнику либо человеку, недавно отбывшему срок, при встрече визитные карточки не нужны, достаточно внимательно посмотреть друг на

друга.

– Журналист, значит? Так я и полагал, что из вашей газеты должны вскоре прибыть.

Рогожин от разговора об Иване Ивановиче уклонялся, теперь понятно почему: у парня руки нет, а судимость есть. Сыщик понял, с кем встретился, и ответил:

– Так не по своей воле, Иван Иванович, и не от безделья, так что извини.

Иван Иванович был среднего роста, в жилистой фигуре чувствовалась сила, белобрысая пацанья голова, глаза взрослого, умудренного человека, жесткие морщины от угла рта. Такого парня Ванюшкой никак не назовешь, потому и звали его в цирке по имени и отчеству.

– Чего уж. – Иван Иванович поставил метлу в угол, присел на лежавший вдоль стены свернутый ковер, достал было сигарету, вздохнул тяжело и спрятал в карман.

Гуров сел рядом, тоже вздохнул, не решаясь начать разговор. Сыщик точно знал, что нельзя сочувствовать и спрашивать, как там, за что и когда. А с чего начать, не знал, потому молчал.

– Слушай, начальник, может, у бога только один молоток, гвоздей нет, лишь моя голова?

– Не греши, Иван. Вижу, досталось, но многим выдано и поболее.

– Вот мать твою, коль не самый крайний, считай, что первый. – Иван Иванович сплюнул, но тут же плевок затер. – Потащите на допрос?

– А если без протокола просто потолкуем?

Иван Иванович провел на зоне для несовершеннолетних около двух лет, успел усвоить, что оперу никогда не верь, вдвойне не верь, когда он тебе что-либо дарит.

– Не, без протокола только о девках, – ответил парень, набычившись, натужно соображая, какую корысть хочет иметь этот залетный. А может, вербует? От такой мысли аж в горле запершило. Он помнил изрезанный труп парня, которого заподозрили в стукачестве.

Гуров был не просто опер, а сыщик божьей милостью, и сомнения Ивана Ивановича не являлись для него секретом.

– Официально допрашивать я тебя пока не могу, нет дела, нет свидетелей. Хочешь – поговорим, не желаешь – бери метлу. А малолетку вербовать я не собираюсь, да и толку от тебя, извини, никакого.

– Точно, – радостно согласился Иван Иванович, – сел по глупости, связей у меня никаких. Я из цирка-то выхожу, если в кино боевик показывают. – Он взглянул на Гурова и осторожно улыбнулся.

Сыщик тоже улыбнулся, он верил парню, однако отраву передали именно через него, человека судимого, такое совпадение настораживало.

Гуров молчал, зная, что от милиции ждут вопросов, но пока доверие не установилось, следует выждать.

Ободренный доброжелательной улыбкой, Иван Иванович чуть расслабился, не таясь, разглядывал «журналиста». Мужик прибыл из Москвы, в годах (известно, что в шестнадцать сорокалетние чуть ли не стариками видятся), наверняка в больших чинах, уверенный, сила чувствуется, но он ее не выказывает, даже прикрывает. Для своего возраста Иван Иванович обладал незаурядной наблюдательностью и умом. «Волкодав, – продолжал рассуждать парень, – стелет мягко, но меня не отпустит, надо вырваться самому».

– Когда дело возбудите, будет допрос. – Иван Иванович облизнул сухие губы. – Я вам сейчас правду скажу, и другого ни в кабинете, ни в изоляторе от меня не услышите. Я того мужика, что сумку с мясом для медведя передал, раньше не видел и опосля тоже. Мужик, полагаю, битый, не из наших краев, скорее из ваших.

– Я тоже так полагаю. – Гуров поднялся, отряхнув брюки, посмотрел в глубь коридора, оглянулся, никого не заметил, сказал: – Если спросят, о чем с

москвичом беседовал, скажи, что журналист о быте цирка расспрашивал. Даже лучше, если ты сам среди своих обмолвишься, мол, настырный москвич подловил и дурацкие вопросы задавал.

- Будет сделано! - Иван Иванович вскочил, схватил метлу.

- Иван, а как тот битый мужик выглядел? Возраст, рост, каков окрас?

Иван Иванович заговорил легко и быстро, чувствовалось, что к вопросу давно подготовился:

- Лет тридцати, росту моего, в джинсовом костюме и кроссовках, волосы темноватые, но не кавказ, глаза такие, не разберешь, мутноватые, наколок, рыжих зубов не видел.

- Вор, мошенник, катала, какой окраски? - спросил сыщик.

- Не, командир, мужик в зоне не был, да и не мажет под делового, говорит вежливо, культурно, слов не употребляет. - Иван Иванович топтался, нетерпеливо помахивая метлой.

Гуров отлично сознавал, что мучает парня, но своего главного вопроса еще не задал и, словно вот только его вспомнил, шлепнул себя по лбу, опустился на место.

- А, черт! Как я раньше-то не допер? - И начал быстро спрашивать: - Тебе Рогожин говорил, что мясо отравленное?

- Нет.

- Как же узнал?

Иван Иванович потускнел, оперся на метлу, шепотом выругался, а вслух сказал:

- Опер, он из Москвы или с Марса прибудет, суть одна - подловить.

– Ну, извини, потерпи чуток, пойми, мне необходимо знать, – говорил Гуров просительно, даже прижал ладонь к груди, – я тебе верю, не подлавливаю.

Искренность и неожиданная открытость москвича, человека явно сдержанного, удивили и обескуражили. Оперу полагалось стучать кулаком, грозить, начальник же сочувствовал, даже просил.

– Секрет не велик. – Иван Иванович тоже сел на место. – Ну, во-первых, я мясо в сумке видел. Хорошее мясо, но старое. А Михалыч мне другое дал, светлую мякоть, явно с базару. Раз! Все собаки передохли в одночасье. Два! И Михалыч раньше меня привечал, а тут сторониться начал. Три! Он письмо в ящик опускает, я мимо иди, Михалыч меня притормозил, загудел, начал объяснять, кому письмо шлет. Я все сложил. Вот и получилось.

– Хорошо, Иван, получилось, – сказал Гу-ров. – Твое счастье, что ты кусок из той сумки себе не взял. Все, я пошел, спасибо за помощь. Лишних слов не говорю, ученого учить только портить. Как к директору пройти?

– В ту дверь, – указал Иван Иванович, – на второй этаж, по коридору направо.

Сыщик зашагал в указанном направлении, услышал за спиной, как парень насвистывает веселенький мотивчик.

Гуров к Колесникову не пошел, подождал, пока Рогожин освободится. Они молча шагали несколько кварталов, артист показал сыщику окно, в которое якобы неделю назад залетела пуля. Сейчас стекло было целое. Гуров проводил Рогожина назад к цирку, попросил временно от прогулок воздержаться и позвонил в управление милиции.

Начальник уголовного розыска, майор милиции Семен Григорьевич Фрищенко, был лет пятидесяти, невысок, сутул, плешив, походил на человека, которого жизнь так замордовала, что он уже давно сдался, болтается в ней лишь по инерции, плохо слышит и видит, ничем не интересуется. Частично так все и было: и замордовала, и не интересуется, его зрение и слух зависели от ситуации, но розыскник Фрищенко был умелый, при необходимости старательный.

Сыщики встретились на улице. Гуров не хотел показываться в конторе и поостерегся приглашать майора в гостиницу, где его, естественно, знали.

– Здравия желаю, товарищ полковник, – сказал Фрищенко, вяло пожимая протянутую Гуровым руку.

– Здравствуй, Семен Григорьевич, – ответил Гуров. – Не гляди волком, никто тебя обкладывать не собирается.

– Ага. Ты мне приглашение на «Поле чудес» привез.

Они прошли в пустынный сквер, присели на кособокую сырую скамейку. Гуров сказал о деле то, что считал нужным, передал фольгу с кусочком мяса.

– Если окно действительно прострелено и пулю найдешь, дело пока не возбуждай, – сказал, прощаясь, Гуров.

– Нет, я сейчас все брошу и начну пристраивать себе на шею еще один висяк, – ответил майор и с щемящей тоской в голосе спросил: – А ты не мог в другой город податься? Расея большая. – Не доставая платка, шумно высморкался, махнул рукой и зашагал в грязные сумерки.

В гостинице, несмотря на ее затрапезность, после промозглой, хлюпающей улицы показалось как в родном доме. Гуров купил три талона для междугородных телефонных переговоров, узнал, что буфет закрыт, а в ресторане нет мест, поднялся в номер, начал звонить в Москву. Орлова сыщик нашел быстро, в служебном кабинете, где, видимо, генерал и ждал звонка.

– Что скажешь, какие новости? – опуская приветствие, спросил Орлов.

– Сыро, грязно, голодно, мой друг генерал Орлов – человек сложный...

– Зато ты простой, – встрял Орлов.

– Чиновник, не перебивай трудягу. Прежде чем показать мне письмо своего друга-медвежатника, ты навел справки. Быстро, у меня лишь пять минут. Что ты выяснил и кто еще знает о действительной цели моей поездки?

- Добытую мной информацию - не дам, она будет тебе только мешать, - ответил Орлов. - А кто знает? - Он помолчал. - Два человека. Что-нибудь не так?

- Ты мне не скажешь - я тебе не скажу, мы будем работать дружно. А пока, товарищ генерал, выясните, пожалуйста, нет ли у наших подопечных каких-либо профессиональных устремлений на Австралию? Только не спрашивайте, каких устремлений. Я понятия не имею. В нашем хозяйстве последнее время упоминалась Австралия? Гражданин, груз, кенгуру в конце концов!

- Понял, - ответил Орлов. - Мне не нравится твой вопрос о том, кто знал.

- Мне тоже.

- Ладно, молчи. Как тебе Рогожин?

- Все такой же плюгавый.

- Горбатого...

Что там с горбатым, Гуров не узнал, женский голос прочирикал нечленораздельное и прихлопнул разговор частыми гудками.

- Так тебе и надо, - произнес вслух Гуров и начал вновь дозваниваться в Москву, но уже по другому номеру.

Второй разговор состоял из коротких фраз и длинных пауз, сыщик это предвидел и оплатил заранее десять минут.

- Добрый вечер, Борис Андреевич, вас беспокоит некто Гуров.

Как сыщик и ожидал, аплодисментов не последовало, даже послышался тяжелый вздох.

- Давно жду звонка, думаю, куда это пропал Лев Иванович?

- Я хотел бы с вами увидеться.

- Так я по звонку понял, вы вроде бы не в Москве.

- К сожалению, - Гуров тоже вздохнул и назвал город. - Гостиница «Центральная». Завтра.

- Да... Простенько, но со вкусом, - ответил абонент и умолк, вновь вздохнул и ответил: - Хорошо.

- Возьмите ручку и запишите, - сказал Гуров. - Я просил бы вас прихватить с собой... - И сыщик продиктовал, что конкретно ему требуется.

- Так откуда же у меня?

- Вместо Мельника кого избрали? К тому человеку и обратитесь, у него есть.

Десять минут истекли. Гуров выслушал невнятный голос телефонистки и положил трубку.

Гуров весь день не ел, понял, что если хоть чего-нибудь не перекусит, не выпьет горячего чаю, то не уснет, решил спуститься в ресторан и проверить, насколько тот переполнен. Сначала пришла в голову мысль, что следует переодеться. Сыщик глянул в мутное зеркало, оценил свой поношенный джинсовый костюм положительно, заглянул в ванную, причесался, протер лицо и руки одеколоном. Начал искать ключ от номера, когда в дверь постучали и, не дожидаясь приглашения, в комнату вошел мужчина лет тридцати пяти.

- Добрый вечер, Лев Иванович. - Незванный гость поклонился, и сыщику показалось, что он прикрыл поклоном улыбку. - Я ваш сосед - Соснин Сергей Петрович, конечно, просто - Сергей. С моей женой вы познакомились утром.

- Здравствуйте, Сергей. У вас отличная «Тойота», проходите, - сказал Гуров.

- Наоборот, Лев Иванович, это мы вас приглашаем в наш номер. Услышали, что вы вернулись, подумали, человек мотался по этому кошмарному городу, наверняка голодный, нынче это проблема, а супруга у меня - дама предусмотрительная. Так как?

– Спасибо, я действительно оголодал. Сейчас позвоню администратору, скажу, что я у вас.

– Пойдемте, не стесняйтесь, от нас позвоните. – Сергей посторонился, взял Гурова под руку.

Ольга Дмитриевна оказалась дамой не только предусмотрительной, но и не ограничивавшей себя в расходах, что, впрочем, Гуров понял еще утром, лишь взглянул на бутылки.

Что ведет себя уж слишком по-простецки, сыщик подумал тогда, когда доедал последнюю чешскую сосиску. Пока гость насыщался, супруги болтали между собой. Женщину сыщик рассмотрел еще утром, сейчас приглядывался к мужчине. Хорошего роста, худощавый, чуть сутулый, в импортном, наверняка дорогом костюме, лицо вытянутое, щурится близоруко, в общем, типичный интеллигентный преподаватель либо ученый. Не только сыщику, сегодня любому обывателю ясно, что таких денег и подобной женщины ни в большевистском прошлом, ни в неизвестном будущем у интеллигента не было и быть не может.

Гуров вообще ел мало, даже очень голодный насыщался быстро, а сейчас увлекся, уж больно интересно наблюдать за супругами. Бывает театр одного актера, а тут случился театр одного зрителя.

Утром Ольге Дмитриевне понадобилось прикурить, вечером она обеспокоилась, не оголодал ли сосед. Душевные люди на Руси всегда жили, надо думать, не перевелись и сейчас. Поживем – разберемся, широта ли души побудила людей так вкусно накормить голодного человека либо ими движут более современные и корыстные цели.

Супруги говорили о житейских делах и общих знакомых, деликатно подчеркивая, что сосед может не стесняться и есть в свое удовольствие. Вырез на платье женщины начинался чуть выше пояса, и когда она подошла и наклонилась к Гурову, чтобы наполнить стакан, то тяжелые атласные груди заколыхались у лица сыщика. Он поднял взгляд выше, посмотрел ей в лицо, женщина, лукаво улыбаясь, показала ему язык, как бы говоря: знаю, знаю, но не твое. Гуров решил игру принять и театральным жестом прикрыл ладонью лицо.

– Сергей, мужчина наелся и начинает меня соблазнять. – Вильнув бедрами, она быстро отошла к мужу, прося защиты.

– Здоровые инстинкты, – рассмеялся Соснин. – Сейчас мы со Львом Ивановичем со скуки выпьем, еще не то будет.

– Фи, мужлан. – Ольга Дмитриевна дернула плечиком. – В присутствии красивой женщины вы собираетесь пить со скуки.

– Красивой? Дорогая, тебя подло обманули. Ты сексапильная.

– На мой вкус, это на порядок выше, – подал реплику Гуров.

Зазвонил телефон, и ни пьянки, ни древнейшей игры не состоялось. Соснин снял трубку, ответил, протянул Гурову.

– Лев Иванович, вас просит малоинтеллигентный мужчина.

– Слушаю, – сказал Гуров.

– Фрищенко говорит. – Голос у майора был действительно простоват. – Там отводной трубки нет?

– Я слушаю, – ответил Гуров.

– Началось. Приезжай, креста на тебе нет, полковник.

– Куда?

– В цирк. Знал, коли прибывает важняк, значит, руби доски на гробы! Но не сей же момент!

Гуров положил трубку, взял бокал с коньяком, который так и не попробовал, сначала отставил, потом пожал плечами, выпил.

– Что-то случилось? – Женщина смотрела участливо, искренне, без кокетства.

– Игры, – ответил Гуров. – Игры на лужайке. Есть такая профессия – репортер. Спасибо, извините. – Поклонился и быстро вышел.

– Удар ножом под левую лопатку, прямо в сердце – смерть наступила мгновенно пять-шесть часов назад. – Врач говорил уверенно, обмолвился, что вскрытие ничего не добавит. Труп нашли в деннике, обнаружили благодаря рыжей кобыле, которая к вечеру стала вести себя беспокойно, позже начала биться. Конюх вывел ее на прогулку, кобыла успокоилась, а вернуться в стойло отказалась. Конюх стал искать причину, отбросил складированное в углу сено, там он и лежал, обхватив единственной рукой поджатые к груди коленки, походя на уснувшего мальчишку.

Конюх позвал живущего в соседнем доме Александра Аверкова, то бишь Сильвера. Следом заторопился сосед, клоун Куприн, который позвонил сначала директору, а уж потом в милицию. Такую последовательность событий установят позже, на допросах, а сейчас дирекция, милиция, живущие при цирке артисты тыркались бестолково, подходили к трупу, некоторые заглядывали в спокойное лицо Ивана Ивановича.

Даже будучи лицом официально старшим, находясь на месте преступления, полковник Гуров переживал эту сцену, стоял в стороне. Отработал фотограф, закончил осмотр врач, криминалисту тут делать нечего, кобыла перепахала пол, а на неструганых досках пальцевые отпечатки не остаются. Собаку сразу увели, она существо умное, самолюбивое, ни один проводник издеваться над другом не позволит.

Гуров стоял во дворе, курил, произвольно, совершенно бессмысленно отмечал присутствующих.

Седой головой возвышался над всеми Рогожин. Хоть и темно, а сыщик видит, как задубело лицо ветерана. Колесников по кличке Капитан стоит набычившись, опустив плечи, выставив тугий живот. Вокруг директора движение, люди подходят узнать, нет ли каких указаний. Капитан голову поворачивает тяжело, будто через силу, дергает подбородком, кривит в ответ губы. Сильвер на месте не стоит, хромот от группы к группе, в свете одинокого фонаря сверкнет золотым зубом.

«А ведь Сильвер, похоже, сидел, – лениво думает сыщик. – А может, и удержался, но ходил по краю. Это точно».

Высокий худой мужчина с огромными, словно подведенными глазами, ломкий и беззащитный, видимо, клоун Куприн по кличке Классик. Он стоит неподвижно, сжимает и разжимает пальцы. Сыщик, конечно, не слышал, но почему-то был уверен, что пальцы хрустят. И еще сыщик полагал, что клоун и зарезанный парень молчаливо дружили.

Еще один цирковой, но о нем сыщик ничего пока не знает. Среднего возраста и роста, с красивым медальным профилем а-ля Аллен Делон. Он в костюме, белоснежной рубашке и при галстукке, видимо, так одевается повседневно.

Служащие отдельной группой, они стремятся быть вместе. Сыщик почему-то решил, что убийцы среди них нет. Сознание шарахается в сторону, формируется в совершенно nepотребную мысль о том, что соседи, когда он вернется, будут, конечно, спать, и выпить, оглушить себя и заснуть не удастся.

Милицейские держатся спокойно. Они к трупам привыкшие, покойника не знали. Для коллег полковника Гурова одна беда – мокрый висяк, значит, ломаются планы, отменяются отпуска, намеченные субботние бани и рыбалка.

«Наверно, я так по старинке рассуждаю, – одергивает себя сыщик. – Это в моей молодости убийство ставило всех на голову, сегодня убийство просто лишняя неприятность. Наговариваю». Сыщик оглянулся, увидел майора Фрищенко, неторопливо подошел, достал блокнот и сказал:

– Товарищ майор, несколько слов для прессы. – И отвел в сторону.

– А откуда ты, конспиратор, знаешь, что я тут старший, да еще и майор?

– Люди подсказали. – Гуров ткнул в темноту. – Видишь, сколько людей?

– Ну, доволен, значит, прибыл не зря? Черт тебя принес, Лев Иванович!

– Побойся бога, Семен Григорьевич, – миролюбиво ответил Гуров. – Будто я убийцу из Москвы привез.

– Может, и нет, но не толкался бы тут, парня бы не зарезали, факт. Окно прострелили, и пулю мы из стены ковырнули, тоже факт. Но стреляли – уж неделя прошла, а ты прибыл... – Фрищенко замолчал, махнул рукой. – Иди спать, кого надо, мы допросим, позже познакомишься.

Гуров согласно кивнул и отошел, чуть не налетев на Колесникова.

– Писать будете? – Капитан воинственно задирает подбородок, но глаза у него были больные, растерянные.

– Это не по моей части, – ответил Гуров. – А блокнот я рефлекторно вытянул, вот ничего и не написал. Спокойной ночи. Извините, совсем плохой.

Так закончился первый день.

Глава 3

Бессонница

Он лежал на спине, скрестив руки, спрятав ладони под мышки, согреваясь. Поначалу было холодно, топить в гостинице перестали. Видимо, отцы города полагают, что раз март по календарю месяц весенний, то не важно, какая погода на дворе, следует беречь энергию.

Стараясь заснуть, Гуров обычно заставлял себя думать о море, ритмично накатывающих волнах, о загадочном сумраке под волнами, призрачных растениях, рыбах. Сегодня он таких попыток даже не предпринимал, вглядывался в сухой профиль Ивана Ивановича, допытывался, о чем же парень промолчал. «Что вообще он мог знать? В пьяной драке, при неудачной попытке ограбления могут убить случайно, с испугу. Ивана зарезал профессионал, который, хотя и плевал на чужую жизнь, к собственной относится бережно и на такое убийство пойдет только в крайнем случае. Парня зарезали примерно через час после нашего разговора, значит, нас видели. В цирке находился либо убийца, либо соучастник-осведомитель, последовала передача информации, затем приказ и исполнение. Да, мой маскарад годится только для посторонних, а

действующие лица отлично знают, кто я такой. И дунули из Москвы, опережая меня, и потекло из кабинета Петра.

В цирке разговаривать с парнем было нельзя. И ты, сыщик, виноват, и не в первый раз, тут ошибочка, там просчет. Сколько их было? Вспоминать страшно. Виноват... Виноват...

В партии двенадцать лет состоял? Виноват. Покайся! Когда ты впервые услышал, что все бывшие члены бывшей партии должны покаяться, то даже не рассмеялся, настолько абсурдным посчитал подобное заявление. Может, кому и есть в чем каяться, только не ему – сыщику Гурову. Он в партию добровольно не вступал и не выходил из нее. Его желания никто не спрашивал, сначала включили, так же, не спрашивая, и выключили, как штепсель из розетки».

Он отлично помнит, как сидел в кабинете на Петровке, отписывал эти чертовы бумаги, когда раздался телефонный звонок.

– Лева, это Пискунов. Зайди на минуточку.

Пискунов был старшим опером, недавно стал секретарем партбюро. Когда Гуров пришел, Пискунов указал на стул, придвинул к себе тоненькую папочку, раскрыл и сказал:

– Тебе месяц назад двадцать семь стукнуло, пора расстаться с комсомолом, вступай в партию.

И никакого вопроса в тоне секретаря не звучало, просто констатация обыденного факта: мол, прошел май, наступил июнь.

И не оттого, что не хотел вступать в партию, для опера МУРа – операция обязательная, как для еврея обрезание, а от неожиданности Гуров ответил:

– Хорошо, Федя, я подумаю, поговорю со стариками, ведь нужны рекомендации.

– А думать тут нечего, вот образец, пиши заявление. – Пискунов протянул через стол два листка – один чистый, другой с образцом.

Заявление Гуров мог бы и сочинить, но легче было переписать, он переписал и встал.

- Я пошел, Федя, через недельку сообщу о рекомендациях.

- А рекомендации уже здесь. - Пискунов ткнул в папку и назвал фамилии уважаемых в МУРе полковников. - А партбюро сегодня в семнадцать.

Ни на партбюро, ни на собрании, ни при вступлении в кандидаты, ни через год в члены всемогущей партии Гурову не задали ни одного вопроса, даже слова не дали молвить, бумажки зачитали, руки подняли, чуть позже похлопали по плечу. Двенадцать лет он платил взносы, если не удавалось увернуться, отсиживал на партсобрании. Надо сказать, что они проходили специфически, лозунги проговаривались скороговоркой, быстро переходили к оперативной работе. Конечно, он голосовал, чаще даже не вникая в суть вопроса, порой задумавшись о своем, не успевал поднять руку, что не имело никакого значения. Риторические вопросы: «Кто против?», «Кто воздержался?» - также никого не касались, на них просто не обращали внимания.

Один год в управление нахлынули комсомольские вожди, хоть и не высокого ранга, они сразу получали майоров, назначались начальниками отделов. Вожди пытались руководить и воспитывать, но оперативная работа - не кукурузу сеять, можно сгореть без дыма, и выдвиненцы исчезали так же незаметно, как и появлялись, лишь некоторые застревали, но только в управлении кадров. Он этих лизоблюдов терпеть не мог, никогда не скрывал своего отношения, имел от этого неприятности. За все его мучения и нечеловеческое терпение теперь призывают покаяться?.. Он имел от членства в партии лишь ошейник и лишний кнут за спиной. А президент, который именно в партии добрался до высоты, сам же ее объявил вне закона. А все председатели президиумов, премьеры и вице-премьеры, которые карабкались наверх, подставляя, продавая и заплевывая конкурентов? Они что - ползли не по партийной лестнице, лизали не ее ковер? «Так ведь другой лестницы, уважаемые господа, не существовало. Так вот вы и кайтесь, а я ни в чем не виноват».

Убедившись таким образом в полной невиновности Льва Ивановича Гурова, он успокаивался, даже гордился этим порядочным мужиком и отличным сыщиком. Он действительно был умен, поэтому эйфория продолжалась недолго, появлялись мысли иные, окутывали, мешали жить.

А что повторяет убежденно твой клиент, работодатель, вор и убийца? Он украл меньше, чем главные воры, убил по неосторожности, защищаясь, либо водка довела. А водкой он заливал обиду, унижения и прочая, и прочая. Ты его слушаешь? Так, вполуха, неизменно возражая, что каждый отвечает за себя, не существует воров и убийц больших и маленьких, есть преступники. Его ты не слушаешь, а себя очень даже внимательно, с любовью и пониманием. Оправдываешь: мол, не верхолаз, по партийным ступенькам не карабкался, ложку не выпрашивал, миску с дополнительной порцией похлебки не просил. Но если бы ты взносы не платил, руку не тянул, той лестницы бы вообще не существовало. Ты не восстал, не поднялся супротив, а люди шли в лагеря. А ты не только судьбами, их именами не интересовался, словно они не земляне, а с далекого Марса. У тебя работа конкретная, мужская, ты всегда гордился, что у тебя мужская работа, и ты рискуешь, и не трус, и тебя уважают коллеги. Но сегодня ясно – ты виноват, виноват...

Гуров сел, опустил ноги на холодный пол, взглянул на часы, стрелок не увидел, бросил их на тумбочку. Сейчас бы стакан водки и тарелку горячего супа, иначе не заснуть. Парня зарезали, ты, сыщик, должен разыскать убийцу. А ты, как всякий интеллигент, занят самокопанием, завел себя до дрожи, не спишь, а нужны силы, поспать бы часа два-три... А если толкнуться к соседям, извиниться, попросить таблетку. У них есть плитка, можно выпить горячего и холодного тоже можно выпить. Ты не сыщик, обыкновенный пьяница, ни один алкаш в этом себе не признается, ты и здесь не исключение.

Гуров натянул тренировочный костюм, забрался в остывшую неуютную койку.

Соседи. Интересная пара, как же она попала в глухую провинцию, почему им интересуется? Они приехали до тебя. И мы уже такое проходили. Года три назад и тоже в непогоду на берег Черного моря приехал интересный мужик с красавицей и тоже до тебя, разница лишь в том, что у тех была «Волга», а у этих «Тойота». И тогда, сыщик, ты чуть было не зевнул и не расплатился за ротозейство жизнью. А расплатился твой приятель и коллега, хороший человек, которого прижали на семье и вынудили...

«Ну почему я не могу думать о море, волнах? Или я ничего толкового в жизни не сделал? Только плохое вспоминается. Все виноват да виноват. Нет. Нет, все-таки соседи люди любопытные, их следует иметь в виду. Если не ошибаюсь, я им нужен, и они проявятся. Они вынуждены сделать ход, ты будешь выжидать. Какие дела завтра, то есть уже сегодня? Майор Фрищенко. Возможно, у него

появилась дополнительная информация. Сегодня должен прибыть Борис Андреевич Юдин. Он мог просто положить трубку, матюгнуться и забыть. Нет, не мог, иначе я не сыщик».

Гуров встретился с Борисом Андреевичем Юдиным осенью прошлого года в загородной резиденции ЦК КПСС. И партию, и резиденцию закрыли, роскошный особняк, как бывает в России, остался бесхозным, но свято место пусто не бывает, его негласно оккупировала Корпорация – преступная организация, курировавшая центральную часть России. В особняке собрались авторитеты Корпорации. Любая банда время от времени собирается на пленум, чтобы утрясти вопросы: кому сколько причитается, кто за что отвечает, а в какую область не вмешиваться. Корпорация не претендовала на роль Единственной, Ведущей и Направляющей, потому собралась не тысячными отрядами, а скромненько: на совещание прибыли всего четыре человека. Одним из них и был Борис Андреевич Юдин. Оказался в резиденции и пятый, никем не приглашенный полковник Гуров – сыщики всегда лезут куда не надо. Авторитеты передрались между собой, история произошла кровавая, Гуров и Юдин выбрались из нее весьма потрепанными. Но так как Борис Андреевич был умница и чистодел и лично никаких преступлений не совершал, то претензий у органов к нему не оказалось. История до слез знакомая: чем выше пост занимает человек в банде, тем меньше у правоохранительных органов к нему претензий. Юдин, человек умный и обязательный, после кровавых разборок, в финале истории оказал Гурову серьезную услугу, ради справедливости следует отметить, что чуть раньше полковник спас авторитету жизнь. Таким образом, расставаясь после двухдневного знакомства, сыщик и авторитет оказались взаимосвязанными. В процессе кровавой междоусобицы переходили из рук в руки бриллианты громадной ценности. Сыщик их никогда не видел, но о месте их нахождения в момент, когда убрали трупы и упал занавес, знал. Гуров был убежден, что если расстаешься с противником не на пороге тюремной камеры, то последний должен чувствовать себя должником.

Сейчас, ворочаясь без сна в неудобной постели, вспоминая прошлогоднюю историю, сыщик самодовольно улыбнулся. Крючок он забросил классно – авторитет схватил на лету. Прощаясь, сыщик сказал:

– Разберите «Мерседес» покойного на молекулы, и, если в ваших руках ничего не останется, я брошу свою работу и наймусь к вам водителем.

С того дня они не встречались, по телефону впервые переговорили вчера вечером. «Юдин сегодня приедет, или я не сыщик», – переворачиваясь на другой бок, думал Гуров.

Константин Васильевич Роговой обладал отменным аппетитом и здоровьем, железными нервами и год назад даже не подозревал о существовании бессонницы. Только слышал, что кто-то почему-то не может заснуть, но относился к слухам насмешливо, убежденный, что подобная аномалия может происходить лишь с неврастениками и душевнобольными. Банально звучит, но вода действительно камень точит. А заботы Константина Васильевича отнюдь не вода, да и сам он здоров, конечно, однако не камень.

Сами посудите: депутат Верховного Совета, начальник управления союзного министерства, хозяин Корпорации – для одного человека многовато получается. Справедливости ради следует отметить, что на место хозяина Корпорации постоянно претендовали несколько человек. Нынешний преступник измельчал: вот большевики изберут Генерального, так до самой смерти остальные долу гнутся, голову поднимают лишь для поцелуя в то место, куда дотянутся. В общем, в Корпорации Роговой был не единоличным правителем, а сопредседателем.

Верховный Совет разбежался, значок с лацкана пиджака просили снять, официальных привилегий несколько уменьшилось. Министерство переформировалось, Роговой в кабинете остался, руководить стало сложнее, появились молодые голодные конкуренты, каждый хочет себе кусок отхватить, а пирог больше не стал, на всех не хватает. Корпорация разрастается, дробится на удельные княжества, рядовые называют себя лейтенантами, последние лезут в полковники. А от полковников, известно, кроме путча или военного переворота, и ждать нечего.

От происшедших катаклизмов здоровье Константина Васильевича дрогнуло, он сильно похудел, почти дистрофиком стал, весу осталось центнер с небольшим, и в эту ночь не спал, мучаясь сомнениями. Художественный руководитель огромного коллектива сейчас зависел от мышиной возни, которая происходила в уездном городишке, который Роговой никогда не видел и знать не желал. Исполнители непонятно кто, личный эмиссар там в одиночестве. Он сегодня и сообщил, что в простенькую, как кукиш, комбинацию неожиданно ввалился полковник Гуров. В прошлом году Роговой впервые в жизни приказал

ликвидировать человека. Константин Васильевич всегда с гордостью утверждал: мол, мы, коммерсанты, выше уголовщины и руки в крови не замараем. Но когда чертов сыщик все-таки вцепился мертвой хваткой и все ближе к горлу подбирался, пришлось о белых перчатках забыть. Для выполнения приговора был выбран опытный боевик по кличке Эфенди – исполнитель высочайшего класса. Встреча состоялась. Убийца и полковник обменялись визитными карточками. Но бога нет, и Эфенди устроился в крематорий, а сыщик отлежался в реанимации, теперь снова объявился на пути, дергает стрелку, желает пустить под откос. Никогда Россия не станет цивилизованной. В зачуханной стране неизвестно какого мира человек может позвонить по телефону, заплатить деньги, и мешающая человеку личность перестанет существовать.

В эту бессонную ночь Патрон, так звали между своих Рогового, имел перед полковником ряд существенных преимуществ: постель была теплая и уютная, главное же – бар, полный разнокалиберных бутылок. Патрон выпил пива, потянулся все еще могучим телом и невольно начал вспоминать, как удачно начиналась, затем проходила операция, которую он называл «Последний раунд».

Прошлой весной, будучи, при всех званиях, неприкасаемым депутатом, Константин Васильевич Роговой прилетел в Берлин якобы в служебную командировку.

Изящные фигуры манекенов, застыв в прозрачных витринах, демонстрировали меха и кружева, драгоценности и последние достижения модельеров. Сверкала реклама, отражаясь тысячами огней в сверкающих телах катящихся плотными рядами лимузинов, – бесконечный поток света, благополучия и роскоши. И музыка, музыка...

«БМВ» последней модели бесшумно выкатился на площадь и остановился напротив Бранденбургских ворот.

Из-за руля легко выскочил Ким Наумович Суслов, а вот сидевший рядом с ним Константин Васильевич Роговой выбрался из машины тяжело, так как был непомерно грузен. Суслов жестом подозвал Рогового. Когда тот обошел машину, захлопнул свою дверцу, сказал:

– И все двери автоматически заперлись.

Роговой понимающе кивнул. Он, привыкший говорить, наставлять, делать замечания, здесь чувствовал себя дискомфортно, потому молчал, лишь сердито сопел.

Суслов, лет сорока, фигурой легок, в дорогом костюме, белоснежной рубашке с галстуком, смотрелся на этой торговой площади опереточным артистом, но чувствовалось, что это его нимало не смущает, даже забавляет. Он знакомил Рогового с городом, как человек показывает собственную квартиру.

– Бранденбургские ворота. Здесь была стена... Слава вашему Горби, теперь мы едины.

– Мы, – проворчал Роговой. – Ты хоть немного шпрехаешь?

– Константин Васильевич, обижаешь. За девять лет китайскому обучишься.

– Девять? – Роговой нахмурился. – Да. Жизнь! – Он вздохнул и посмотрел на площадь, заполненную торговым разноплеменным людом. – Будто вчера.

– Здесь можно купить все. От зубочистки до танка, – сообщил Суслов голосом зазывалы.

– Как в Одессе, видели, – проворчал Роговой.

Неожиданно шутовская улыбочка соскочила с лица Суслова, оно строго одернулось, глаза остекленели, голос упал до шепота:

– Не «как» и не «видели». – Суслов застыл перед Роговым. – И ты забудь совдеповские мерки, девять лет и то, кем был тогда ты и кем – я. Мы с тобой встретились не по старой памяти, а по новому интересу.

– Ладно, ладно, – проворчал Роговой. – Чего ты.

– Не ладно! – Суслов ткнул тонким пальцем в богатырскую грудь Рогового. – Я знаю твои возможности там, но здесь ты только полупоц. – Суслов продолжал тыкать пальцем и шипеть: – Я прокачал тебя через Интерпол, ты у них не проходишь, потому мы и говорим.

Лицо Сулова вновь неожиданно изменилось, он вновь легко заулыбался, схватил Рогового за рукав, попытался сдвинуть с места.

– Все, все, пошли... Как говорится, нет друзей и врагов, есть деловые партнеры...

Роговой шел тяжело, смотрел перед собой, окружающим, казалось, не интересовался. А вокруг торговали всем, много было советской военной атрибутики: фуражки, шапки, погоны и мундиры, ордена, медали и небрежно прикрытое оружие.

– Купить тебе пистолет? – улыбнулся Сулов, делая кому-то знак, чтобы не подходил. – Шутка. Я знаю, что у тебя есть. Кокаин, марихуана, героин... Пожалуйста... Нет проблем. Зелье, которое идет с Востока через вас, лишь сырье. Нет, товар, конечно, но дешевка, мы можем обработать и превратить в золото.

Торговцы были заняты своим делом, но некоторые провожали Сулова почтительными взглядами, нерешительно кланялись.

Они вернулись к машине, Сулов повернул ключ, и все дверцы автоматически открылись. Роговой не выразил восхищения, сопя, забрался в машину. Когда Сулов тоже сел, сказал:

– Ты мог мне все это и не демонстрировать. Я и без Интерпола знаю, что ты здесь в порядке и в законе.

Позже они обедали в дорогом ресторане для деловых людей. Тишина. Официанты скользят бесшумными тенями.

– Товар через вас проходит, но потери велики, – говорил Сулов. – Поставщик не хочет рисковать, да и мы серьезные партии заказывать остерегаемся.

Роговой понимающе кивнул, но промолчал.

– Если ты возьмешь под контроль продвижение груза от границы до границы, мы сможем увеличить оборот.

- Можно попробовать. – Роговой пригубил вино и недовольно отставил бокал.
- Внеси залог миллион долларов и пробуй. – Суслов смотрел испытующе.
- Проложить тропу нужно время. – Роговой вновь понюхал вино.
- Хоть год, только деньги вперед, – быстро сказал Суслов. – Иначе мы найдем...
- Не пугай, – перебил Роговой, ткнул пальцем в бокал: – Вели принести чего-нибудь.

Только он договорил, рядом уже стоял столик с разнокалиберными бутылками. Роговой указал на «Смирновскую», официант налил в бокал несколько граммов. Роговой отобрал у него бутылку, поставил на стол. Официант исчез, а Суслов сказал:

- Ты меня компрометируешь.

Роговой выпил фужер водки, взял из вазы банан, ободрал с него шкурку, проглотил его и сказал:

- Мне надо позвонить в Москву.

Суслов не выдержал, рассмеялся, поднял руку, что-то шепнул официанту.

Мгновенно перед Роговым появился телефонный аппарат с короткой антенной...

Роговой откинул одеяло и сел. Может, включить свет, музыку и напиться по-настоящему? Кому нужны бесплодные сожаления о совершенных ошибках? Да, именно в тот вечер из берлинского ресторана он дал команду вступить в контакт с сыщиком Гуровым. Будь проклят тот час, но он прошел, что сделано, то сделано, и нечего себя мучить. И сыщику он, Патрон, в конце концов не проиграл. Хотя много людей потерял, но в главном не проиграл, потому что у милиционера, даже самого талантливом, против депутата руки коротки. Он тогда провел блестящую операцию, собрал с деловых людей сотни миллионов рублей якобы для обмена на доллары. А потом через Гурова руками оперативников МУРа всех поставщиков упрятал за решетку. И у лидеров

Корпорации выходов на Рогового не было, деньги испарились без осадка. Вот только Эфенди стрелял хуже Гурова. То ли Эфенди где-то оставил записку, то ли полковник, выбравшись из реанимации и сообразив, что депутата законным образом не одолеть, шепнул через свою агентуру: мол, нужный вам человек, господа неприятели, не кто иной, как ваш же Патрон. В данном вопросе ясности нет, но факт остается фактом: три месяца назад в кабинете появился – как пробрался, неизвестно – небрежно одетый улыбчивый пацан, эдакий шнурок от стоптанного ботинка. И ни уважения, ни верительных грамот, без вступительных слов объяснил:

– Дело вы провернули здорово, партнер аплодирует, но в ложе недовольны и требуют долги.

Такие пошлые, вульгарные слова, но Роговой их запомнил.

– Ты старик, твое время прошло, не вздумай трепаться о доказательствах, – продолжал шнурок, улыбаясь. – Отдай миллион «зеленых», иначе тебя снимут с улицы либо заберут из дома, отвезут в сторонку, и паяльная лампа докажет тебе все, что пожелаешь. Тебе позвонят. Надеюсь, ты не окончательно выжил из ума и понимаешь, что меня послали серьезные люди. Чао! – Взмахнул ручонкой и, неслышно ступая модными кроссовками, удалился.

Проиграл – плати. С этим он, Константин Васильевич Роговой, согласен, но следует правилам уважительно, да и миллион долларов под кроватью никто не держит, они же в обороте.

На Кавказе война, страну перегородили таможни, только что проложенный путь разрезан, надо искать обходные тропинки. А тебе ультиматум: либо плати, либо...

Надо признать, что следующая встреча с молодыми волками прошла в иной обстановке. Хотя начало было такое же бандитское. Подсели в машину, приставили к горлу что-то острое, отвезли в грязный двор, втолкнули в облупленную дверь, за которой оказалась не пыточная, а маленькое, но очень уютное, прекрасно оборудованное кафе: и хрусталь, и фарфор, и девочка в наколочке. И представитель стаи выглядел прилично и держался должным образом, внимательно выслушал, сказал, что сложности понимает, предложил либо взять в долю, либо выложить наличные.

В таком разговоре Патрон, словно Антей, обрел снова силу. Он согласился взять молодых в долю, выплатив пятьдесят тысяч долларов аванса, оговорил проценты и, как ему казалось, был убедителен:

– Я понимаю, что вы способны разрезать меня на кусочки, и я умру в мучениях. Подписать чеки я не могу, наличных и бриллиантов у меня нет, у вас на руках останется изуродованный труп и только. Так что не надо больше запугивать. Договорились?

– Возможно. – Молодой снял дымчатые очки, взглянул внимательно. – Только вы ошибаетесь, что, уничтожив вас, мы ничего не приобретем. Мы запишем ваши последние слова на магнитофон. Ваши вопли не будут содержать смысла: поверьте, когда человек так умирает, то кричит непонятно. Но вы у нас не единственный, ваше исчезновение и запись последних пожеланий облегчат мне дальнейшие переговоры, и ваши последователи будут умнее. Договорились?

После этой встречи он начал катастрофически худеть. Ему запретили выезд за рубеж, предупредили, что снимут с трапа самолета, а нет, так достанут в любой стране. Его не подгоняли, понимая, что решить столь серьезный вопрос в одночасье невозможно. И когда все уже было практически продумано и решено, вдруг из длинной сложной цепи вылетело важное звено. А любая цепь без одного звена уже не цепь, а груда обломков. Только занялись ремонтом, уже казалось, что вот-вот все наладится, как вламывается знакомый – сыщик Гуров. За его длинную жизнь у Патрона было много врагов, и уж коли так распорядилась судьба, что один из них должен встать на пути, то менее всего Патрон хотел бы, чтобы это был полковник.

Роговой отбросил подушку, вновь сел и проклял ночь, которая, казалось, не имела конца.

Работники цирка, начиная от билетеров и кончая директором, не ворочались в постелях, а находились в Управлении внутренних дел. Одни писали объяснительные, другие отвечали на вопросы оперативников, третьи, ожидая своей очереди, маялись в коридорах. Уголовное дело возбудила прокуратура, но опрос такого количества людей следователю был, естественно, не под силу, он дал соответствующее поручение, и работали оперативники.

Вопросы всем задавались одни и те же, так как ничего нового в данной ситуации придумать еще никому не удавалось. Где вы находились в такое-то время? Не видели ли в служебных коридорах посторонних? Не заметили ли чего-нибудь подозрительного либо необычного? Когда, где, при каких обстоятельствах видели последний раз Ивана Ивановича Мухина?

Майор Фрищенко беседовал с людьми, имеющими непосредственное отношение к конюшне. Майор понимал, что ни черта они этим бреднем не вытащат и вскоре останется он с кипой исписанной бумаги. В городе же поговорят-поговорят и забудут. На дворе март, а виснет третье убийство, совсем же недавно такой тихий был город... Гурова майор знал давно, дважды сталкивался по работе, порой доходили слухи. Фрищенко москвича не любил, признавал, что оперативник он классный, но человек абсолютно чужой, высокомерный и холодный, а что простаком держится, так это от профессии, умеет перекраситься. И хотя Гуров был значительно старше и по званию, и по должности, Фрищенко обращался к нему на «ты». Полковник же и бровью не вел, держался как с равным, спокойно и уважительно, чем вызывал еще большее раздражение Фрищенко.

Майор переходил из кабинета в кабинет, словно сомнамбула. Вид отрешенного глухонемого начальника угро мог обмануть кого угодно, только не оперативников, которые отлично знали: майор все прекрасно видит и слышит, ничего не забывает. Когда Фрищенко неожиданно материализовывался в кабинете и, привалившись плечом к стене, почему-то он никогда не садился, застывал в привычной позе, ведущий беседу оперативник невольно напрягался, начинал говорить громче, вопросы задавал жестче. Начальник мог простоять минуту, а мог и десять, неслышно исчезал, из прокуренного кабинета перемещался в еще более прокуренный коридор, прохаживался, снимая своим появлением естественные сейчас разговоры, которые за его спиной тут же возобновлялись с еще большим накалом.

И понятно, люди к убийствам еще не привыкли, не дай бог, если такая привычка появится.

Во время очередного обхода Фрищенко отыскал директора, которого давно допросил лично и отпустил. Но Капитан не считал возможным оставить свою команду, распорядился принести из своего кабинета чай, вытащить из холодильника торт. В коридоре чаевничали, облизывали липкие пальцы и, поглядывая на директора с благодарностью, но и с вызовом, курили. Плюшки,

пирожные, различные печенья являлись слабостью Капитана, и у него была своя маленькая пекарня, которая существовала задолго до появления приватизации. Доносить в милицию, прокуратуру, в горком и Советы об этом факте не стали: люди и город гордились, что вот еще ни у кого нет, а у них, в цирке, есть. И даже первый, когда-то назначенный, потом всенародно избранный, предпочитал не выписывать засохшие лакомства из столицы, а обращался к Капитану и получал прямо к столу свежую выпечку. И в городе доподлинно знали, что именно с первого Капитан берет двойную цену, и подобная дерзость радовала людей, согревала души, создавала иллюзию демократии и свободы.

Майор завел Капитана в свой кабинет, указал на стул, уселся напротив, даже приоткрыл глаза.

– Чего будем делать-то, Капитан? Хреновые наши дела, надо сказать. И чудится мне, что это – только цветочки.

Семен Фрищенко и Лешка Колесников родились в этом городе, тут учились, гоняли в футбол, беседовали и веселились, женились, рожали детей, в общем, жили. И хотя особо не приятельствовали, всегда помнили, что растут от одного корня.

– Верно, хреново, коли ты, милицейский, меня, циркового, о своих делах спрашиваешь, – ответил Колесников, дернул подбородком, глянул сердито. – Я тебя не пытаю, чем артистов кормить и где новую лонжу заказать.

– Ты умный, тебе легче, – смиренно пробормотал Фрищенко и, хотя все уже было оговорено, продолжал: – Давай по новой, Капитан. Значит, начинаете вы в девятнадцать и первый номер у вас с лошадьми.

– «Амазонки». Примерно с шести в конюшне не протолкнись, а около того Ваньку видели живым.

– В семнадцать сорок пять, – уточнил Фрищенко. – Потом лошадей прибрали, вывели, и конюшня опустела.

– Ясное дело, конюх с помощниками идут к манежу, смотрят представление и принимают горячих, обтирают, ведут во двор, прогуливают.

– Ведут через конюшню, ворота запираются изнутри. – Майор обреченно вздохнул.

– Непременно запираются, иначе пацаны пролезут, спасенья нет. Я тебе говорил, и другого ты не услышишь: ворота заперты на все сто. После выступления их открывают лишь летом, сейчас нельзя, горячая лошадь простудится.

– Значит, после выступления в конюшне опять сутолока?

– Ну, какая сутолока? Лошади же не люди, чего им толкаться?

– А людей много?

– Только свои: конюх, помощники, девчонки заскочат любимца огладить, угостить, только их и видели. Любой посторонний тут будет торчать, словно памятник на площади.

– Вот-вот, согласен. – Фрищенко кивнул. – На памятник никто внимания не обращает: стоит, а может, убежал, глаз обвыкся, не видит. Кто может зайти в конюшню и не привлечь ничьего внимания?

– Уборщица, Сильвер, Классик, – начал загибать пальцы Колесников, подумав, сказал – Больше никто. Что прилип? Ясно же, Ивана в то время в конюшне не было, его нашли позднее и уже... – Он махнул рукой.

– И ты за последнее время новых людей на работу не брал?

– У меня цирк, а не проходной двор.

– Сколько же времени длится номер «Амазонки»? – спросил Фрищенко и сам же ответил – Около десяти минут. Ворота во двор были заперты, со стороны кулис стояли люди, въезжали и возвращались с манежа лошади. Никого нового ты на работу не брал. Значит, кто-то из твоих родимых сотрудников либо артистов... – Он поднял палец и повторил: —...либо артистов в эти десять минут и зарезал парня.

– Слушай, Сеня, не надо заправлять, – Колесников покрутил пальцем у виска, – я своих людей знаю лучше, чем собственную жопу, и за каждого могу ответить. Это тебя одни подонки окружают.

Фрищенко на злые слова земляка никакого внимания не обратил, даже кивнул согласно, но это относилось не к высказыванию Колесникова, а к мыслям майора Фрищенко.

– Днем у цирка видели иномарку с московскими номерами.

– Я для дочки нашей Аннушки – метлами у меня командует – в Москве лекарство заказывал. Человек приехал, передал, уехал, торопился, даже чай пить не стал.

– Понятно. – Фрищенко снова закивал и, чтобы не привлекать к полковнику внимания, спросил – А откуда журналист объявился?

– Из златоглавой, откуда еще. – Колесников дернул подбородком. – Не пойму, как он тут ночью объявился? Кто ему сказал?

– Я тебя не в сыщики вербую, не зову стучать на соратников. – Фрищенко тяжело поднялся. – Но ты, Леша, оглянись вокруг себя, вроде трахают тебя.

Колесников набрал в легкие воздуха, покраснел от натуги. Пока он выбирал слова покрепче, Фрищенко проскользнул мимо, распахнул дверь и объявил:

– Всем спать! Оперсоставу задержаться!

Глава 4

Бессонница

(продолжение)

На бывшей обкомовской даче, расположенной километрах в двадцати от города, в эту же ночь сидел за столом и читал газеты Кирилл Владимирович Трунин – человек молодой, но очень серьезный. Ему недавно исполнилось тридцать два, но по имени-отчеству Трунина называли уже несколько лет, сначала вроде бы шутливо. Довольно быстро привыкли и сверстники, которые в свои двадцать пять были для всех Сережки и Петьки, многие из них без упоминания отчества счастливо доживут и до шестидесяти. Они признали, что Кирилл Владимирович Трунин – человек иного замеса. На первый взгляд он не производил впечатления: среднего роста, фигурой непримечателен, одевается по усредненной моде, когда-то носил костюм, рубашку с галстуком, теперь в джинсовой одежде и куртке с «молниями», ничего броского, дорогого, глазу не зацепиться. Обычная советская семья, родители-инженеры, жили скромно, как все, от зарплаты до зарплаты. Трунин и школу, и юрфак университета окончил среднячком, как любили тогда выражаться: рядовой товарищ, обыкновенный советский человек. Но он родился лидером, очень быстро это осознал, легко подчинял сверстников, но уже в школе понял, что общество, в котором он живет, любит лишь серый цвет, средний рост, не умных, а хитрых, не способных, а приспособливающих. И тогда еще без отчества, просто Кирилл, Трунин запрятал свое лидерство глубоко внутрь, начал присматриваться к окружающим, в основном к людям, успешно продвигающимся вверх. Он быстро и без особого труда определил, что лестница, ведущая наверх, практически одна – комсомол, затем партия, далее со всеми остановками, сколько пролетов осилишь, так высоко и заберешься. Принцип подъема по этой лестнице, как он понял, был достаточно прост. Необходимо постоянно угождать вышестоящему, казаться не шибко умным, лишь сообразительным и очень расторопным, выжидать и либо подловить, когда шеф сам оступится, либо в нужный момент ножку подставить, сбросить вниз, быстренько занять место и громко кричать, как умен и неповторим проходимец, карабкающийся на пролет выше. Итак, еще в школе Кирилл Трунин сообразил, что лестница лишь одна и нечего изобретать велосипед; как и все, вступил в комсомол, стал секретарем, райком помог поступить в университет, где Кирилла уже ждали, тут же «избрали» комсоргом курса. А как же иначе. Разве без подсказки райкома собравшиеся в кучу девочки и мальчики с первого взгляда могут определить, кто есть кто? У ребят различные увлечения, спорт, бесконечные романы, гори этот комсомол голубым огнем: одни заседания да головная боль. И предложенная кандидатура всем понравилась: парням – тем, что на женском фронте не конкурент, девчонкам он импонировал своим спокойствием, простотой обращения, нос не задирает, ни за кем не ухлестывал.

Учился он на первом курсе прилежно, комсомольские обязанности выполнял аккуратно, но без излишнего вдохновения, чтобы раньше времени не привлечь к

себе ревнивого внимания уже формирующихся старшекурсников-функционеров. Через два года, когда он уже примеривался, каким образом войдет в комитет, в университет прибыл с визитом первый секретарь райкома. Видимо, сам господь бог уберег неразумного, Кирилл Трунин стал свидетелем разговора высокого гостя с секретарем комитета комсомола, которые неизвестного парня и за человека не считали, потому не стеснялись.

- Ты куда лезешь? - кричал гость. - У тебя кто - папа, мама, дядя, в конце концов? У тебя кто за спиной? Ты полагаешь, каждый жополиз может ползком к кормушке подобраться? Ты сосешь? Ты сосешь старательно, когда сочтем достойным, тогда позовем.

Услышанное потрясло Кирилла не цинизмом, а обнаженной простотой самого факта, что, не имея родословной, человек обречен на многолетнее холуйство, даже рабство. Он выбрался на улицу, ошарашенный не столько услышанным, сколько собственной глупостью. «Раз я это вовремя понял, значит, не дурак», - решил он, усаживаясь на скамейку. Задрал голову и глядя на небо, прикидывал, какое кресло там, наверху, он считает для себя подходящим. Уж, конечно, не райком комсомола, даже не райком партии, как минимум подошло бы место в горкоме. Даже если туда заберешься, к тому времени самый сладкий кусок в горло не ползет, унижения - чушь интеллигентская, годы жалко. «Я должен захватить власть молодым, - решил он, перестал разглядывать небосвод, поднялся со скамьи. - Мы двинем иным путем. Власть человеку дают деньги. Не удастся сразу захватить власть, значит, следует начать с денег, которые охраняет государство, конкретно милиция. Если я не хочу быстренько, как фраер, устроиться в лагере и коли я собираюсь против ментов выступить, следует узнать, как они живут, чем дышат». Не от одного подслушанного разговора прозрел Кирилл Трунин и не за час, сидя на скамеечке, перерешил он свою судьбу. Прошло не менее полугода сомнений и колебаний, он примеривался, как схватить удачу за шиворот, как не промахнуться и оказаться в седле. Понял, что быстро ничего не получится, придется терпеть.

Всякий лидер - человек волевой и последовательный. Получив диплом, Кирилл Трунин пошел работать в милицию, и не дознавателем, который не вылезает из кабинета, исписывает тонны бумаги, а опером. Через год он трудился уже на Петровке, где впервые и увидел уже легендарного Льва Гурова. Поначалу Трунин решил с известным сыщиком сблизиться, подучиться из первых рук, так сказать. Но вовремя вспомнил бабочку и огонь, остерегся и недолгое время, что служил, главное - усваивал методы оперативной розыскной работы, старался ни

в какие громкие дела не влезать и на глаза Гурову не попадаться.

Он уволился, закосил по здоровью. В восемьдесят пятом, когда подул ветер перемен и начали образовываться кооперативы, подпольные дельцы осторожно начали высовываться, оглядываться, подыскивать умных, ничем не запятнанных помощников. В такой ситуации Кириллу Трунину просто цены не было: юрист, с опытом работы в органах, с оружием, которое он предусмотрительно на одном из обысков в протокол изъятия не занес, а тихо положил в карман. Какой еще вам нужен помощник, товарищи? Господами, как известно, все мы станем несколько позже.

Кирилл Владимирович Трунин сидел за небольшим старинной работы письменным столом, ждал телефонного звонка, просматривал газеты последних дней. Он не любил вспоминать прошлое, решал неотложные дела, старался предвидеть завтрашний день. Он достиг многого, очень многого, но, становясь богаче и могущественнее, все больше был недоволен своим положением: он стремился к власти и независимости, а получалось, что чем большей он обладал властью, тем меньше становилась его независимость. «Я Гулливер в стране лилипутов, – думал Трунин. – Они хилыми лапками хватают меня за каждый волосок. А без лилипутов не прожить, без лилипутов я не Гулливер. Создается порочный круг...» Еще работая в личной охране крупного дельца теневой экономики, Трунин отбирал для себя верных людей, готовился создать собственный бизнес, не экономический, полулегальный, а чисто криминальный, следовательно, крайне опасный. Он не был авантюристом, просто трезво оценивал свои способности. Торговый, финансовый бизнес ему не по зубам, не хватало знаний и опыта. Соберет небольшую группу, максимум человек десять, и создаст собственную фирму. Рэкет. Но не дислоцироваться в одном районе или городе, не обкладывать данью, выбивая у дельцов грошик, ежедневно людей запугивая, такой бизнес заранее обречен. Либо кончатся деньги и терпение у налогоплательщиков и они наведут на след оперативников, либо конкуренты объединятся, устроят разборку. Группа должна быть мобильная, быстро меняющая регион и направление удара. Можно принимать заказы на устранение конкурентов. Только разовые, не оставляя в руках заказчиков никаких ниточек, которые бы вели к исполнителю. Но бесконечно такая деятельность продолжаться не может, информация начнет просачиваться, капля за каплей она будет собираться, в один прекрасный момент масса станет критической и взорвется. Обыватель убежден, что милиция вовсе мышей не ловит, но он, Кирилл Владимирович Трунин, знает, оперативники еще остались и недооценивать их – полный идиотизм.

Трунин взглянул на часы, на телефон, отшвырнул газеты, отправился на кухню варить кофе.

Не ловит? А кто набил зоны и тюрьмы? Или люди там собрались в охотку, из любви друг к другу, стремясь повеселее провести время?

Он поставил на плиту чайник, начал молоть кофе, оглядел просторную, оборудованную самой современной техникой кухню. Как жил человек? Все отняли, как в семнадцатом. Тогда произошла трагедия, сегодня – фарс. Сюда нельзя пускать диких фанатиков, здесь жила элита, теперь, хоть и временно, живу я, человек отнюдь не рядовой. Я завтра уеду, прибудет другой, рассуждал Трунин, заваривая ароматный кофе, наверное, уже не моей окраски, скорее всего депутат либо полномочный представитель верхов, для рядовых тут места нет, для них существуют казармы.

Команда Трунина рыскала по России, слава богу просторной, часто возвращалась в Москву, где намечала очередные жертвы, принимая или отвергая заказы. Ребята обросли мускулами, набрались опыта, главное, уверовали в талант своего художественного руководителя. Еще важнее, что ближайшее окружение Трунина, гвардейцы, так сказать, утолили голод, обзавелись квартирами, машинами, хорошим оружием, специальной техникой: радиотелефонами, подслушивающей аппаратурой.

Конечно, у Трунина существовала и агентура, но в очень ограниченном количестве, так как бывший опер отлично знал, что это очень мощное оружие – обоюдоострое. Ни с одним агентом он лично на связь не выходил, даже не все его люди знали Кирилла Владимировича в лицо, а уж кто он на самом деле и где находится в конкретный момент, ведали лишь двое, оба были неоднократно проверены, главное, точно знали, что в случае провала их ничего, кроме высшей меры, не ждет, а конец веревки, которая заканчивается петлей, в руках у Трунина.

Известно, Остап Бендер желал получить миллион, мечтал о белых штанах и Рио-де-Жанейро. Кирилл Владимирович ничего не имел против белых штанов и Рио, но инфляция, черт возьми, поэтому ему требовалось пять миллионов, и только долларов. С последним делом по сей день обстояло неважно, валюта как поступала, так и уходила, очень велики были затраты на техническое оснащение, которому Трунин уделял первостепенное значение. Он понимал, что его деятельность опасно затягивается. Приобретать агентуру среди

сотрудников органов не рисковал, те, что светились и подставлялись, были не нужны, а начать активные поиски источников информации среди бывших коллег, тем более среди сотрудников соседнего ведомства, так просто страшно. Бизнесмены – это одна статья, оперативники – совсем иная, среди них масса двурушников, алкоголиков и рвачей, начнешь с ними играть, и не заметишь, как колоду уже сменили, и карты крапленые, и ход не твой, вот они браслеты и засовы. В результате Трунин не знал, почувствовали его присутствие спецслужбы, ориентируют ли на поиски неизвестного свою агентуру. Но через деловых людей дважды прошел сигнал тревоги: мол, кого-то опасаются и ищут. Кого конкретно, узнать не удалось, может, существует неизвестный конкурент, который засветился. Все может быть, но одно совершенно ясно, что необходимо выбрать жертву, взять последний куш и затаиться. Трунин искал, но золотой теленок где-то тщательно прятался.

Жизнь полна неожиданностей, и не всегда неприятных. Фигура Константина Васильевича Рогового выплыла перед Кириллом Владимировичем совершенно неожиданно. Он раз и навсегда категорически запретил своим людям встречаться, пить водку, поддерживать какие-либо отношения с ворами в законе, рэкетирами, преступниками других мастей. Учтите, что среди самых, казалось бы, крутых ребят каждый десятый чей-нибудь агент, неустанно повторял Трунин. Даже если на твоих глазах человек обворовал или зарезал, отнюдь не значит, что он человек верный, а следует лишь, что он вор и убийца и тем быстрее, вымаливая снисхождение, продаст. Если уж так случилось, что попал в компанию, ведь не в консерваторию же ходить, завязался разговор, рядом бахвалятся подвигами, запоминай и молчи. А если молчать становится опасно, жалуйся на жизнь, природную трусость, терпи унижения, только не выступай.

И вот однажды, три месяца назад, ближайший сподвижник Трунина пришел и рассказал, что накануне вечером был в компании солидных кооператоров. Все было пристойно: пили, ели, трепались о женщинах. Тогда-то к столу и подсел мужик лет сорока, сильно поддавший, кого-то из присутствующих он знал. Судя по манерам и речи, мужик битый, явно посещал «хозяина». Незванный гость говорил много, жаловался на судьбу, на деловых людей, мол, сегодня у них ни совести, ни чести. Недавно один из главных авторитетов объявил, что продает миллионы «зеленых», собрал сотни миллионов деревянных, а всех носильщиков сдал ментам. Ну этого гнилого авторитета вмиг зарезали, но деньги не нашли. А вот недавно этот мужик узнал, что провернул операцию не покойник, зарезали исполнителя, а главный – жирует и веселится, над деловыми потешается.

Это человек, который мне нужен, понял Трунин. У человека есть валюта, его не защитит государство и мафия. Золотой теленок, только как его найти? Довольно быстро удалось установить, что зарезан был некто Лебедев Юрий Петрович, который последний год находился в тесных деловых контактах с Волиным Русланом Алексеевичем – директором советско-австрийского совместного предприятия. В прошлом году Волин уехал в Вену, где в настоящее время и проживает. Возможно, Волин? Трунин нанес визит в офис московского отделения совместного предприятия, представился коммерсантом, который хотел бы поместить некоторую сумму и хотел бы в связи с этим ознакомиться с положением дел. Он провел в офисе два дня, ничего не понимая, просматривал документацию, познакомился с секретаршей и бухгалтером, как и положено, подарил цветы и французские духи. За обедом Трунин жаловался, что деньги у него есть, но делец он начинающий, если девушки помогут ему советом, он в долгу не останется. Прошел один обед, назавтра второй, вечером, естественно, вместе поужинали, Кирилл Владимирович был щедр, корректен, сыпал комплиментами, обронил, что у него есть друг – холостяк и миллионер, если «красавицы» не возражают, то они вчетвером могут прокатиться на пароходе вокруг Европы. «Красавицы», естественно, были девушки битые, уже давно никому не верили и поначалу хотя держались просто, но лишнего не болтали. Они никак не могли понять, что нужно этому проходимцу, так они между собой называли любого мужчину, который в первый же день дарил подарки и угощал обедом. «Красавицы» пребывали в недоумении: новый знакомый вопросов не задавал – шутил, сыпал комплименты, щедро платил, в койку не тащил. В отношении последнего девушки не обманывались, конкуренцию на рынке знали, с такими деньгами мужик мог купить товар и получше. И если секретарша вечером, при соответствующем освещении, еще как-то годилась, то бухгалтерша и в кромешной тьме, даже боком ни в какие ворота не проходила. Трунин все отлично понимал, внешне был все так же любезен, но про себя посмеивался. Женщина – существо любопытное, известно, что эта слабость сгубила даже хитрую и осторожную кошку. И долготерпение Кирилла Владимировича на второй день, вечером, после обильного ужина, когда они зашли в валютный бар гостиницы «Космос», было вознаграждено сторицей. Трунину и в голову не могло прийти, что последней каплей, которая переполнила чашу девичьего терпения, были его дымчатые очки. Похожие носил Руслан Волин, и, глядя на них, секретарша постоянно вспоминала исчезнувшего шефа. Сравнение было отнюдь не в пользу нового знакомого. Русланчик интереснее и ростом выше, а уж про костюм и говорить нечего. Перед расставанием, когда шеф раз, наверное, в десятый повторял, что будет платить зарплату с учетом инфляции за безделье и молчание, он неожиданно расчувствовался и трахнул свою ненаглядную прямо на письменном столе. В принципе, ничего нового не

произошло, но шеф, даже занимаясь любовью, очки не снял, а новый знакомый снимал их каждый раз, как присаживался к столу и начинал разговаривать с дамой. Женщина пригубила оплаченный валютой коньяк, взглянула на очки и не к месту заявила, что бывший шеф – проходимец, офис их днями закроется, и лучше деньги пропить, чем вкладывать в эту лавочку. Бухгалтерша возмутилась, затрясла бюстом, обозвала подругу сучкой, в общем, «красавицы» сцепились. Тут впервые Трунин услышал о каком-то депутате, здоровенном мужике по кличке Патрон, выяснилось, что молодой шеф был фигурой подставной, заправлял всем именно Патрон, которого от тюрьмы спасла лишь депутатская неприкосновенность.

Много интересного услышал Кирилл Владимирович в валютном баре: не спрашивая, узнал фамилию, имя и отчество Патрона, министерство, где он служит, и должность, даже служебный телефон. В конце вечера дамы напились и помирились. Трунин стал молчалив и рассеян, по домам развез, распрощался холодно, больше «красавицы» его не видели.

Сутки он не выходил из квартиры, обдумывал ситуацию. Депутат, начальник управления союзного министерства, негласный хозяин СП, под которым ходил бухгалтер Корпорации Лебедев. Именно он поддерживал связь с регионами, собирал деньги многомиллионной валютной операции. Старика впопыхах зарезали, деньги исчезли. Трунин чувствовал, что вышел в цвет и нужен ему именно Константин Васильевич Роговой. Теперь как к нему подступиться? Около месяца Трунин прослушивал телефонные разговоры Патрона, техникой оборудовали как служебный, так и домашний аппарат. И как ни был старик осторожен – беседы с Берлином и Веней носили, казалось бы, самый невинный характер, – сообразительный Трунин без особого труда уловил криминал. Ну зачем, спрашивается, нужно чуть ли не через день разговаривать по международному, который стоит бешеных денег, о здоровье, болезнях и сложностях бытия. Слишком часто в разговорах употребляются слова «дорога», «лекарства» и «время». Сложив все вместе, Трунин понял окончательно, что Роговой – именно тот человек, который захватил миллионы Корпорации, и сейчас он, видимо, занимается наркотиками, то есть ворочает миллионами долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/leonov_nikolay/udachi-tebe-syschik

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)